ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 74 (2457) | Среда, 15 сентября 1948 г. | Цена 40 коп.

ПРОТИВ ИДЕАЛИЗАЦИИ РЕАКЦИОННЫХ ПЕРЕЖИТКОВ

В нашей стране уничтожена эксплоатация человека человеком, ликвидирован классовый и национальный гнет. Но пережитки эксплоататорского общества еще существуют. Они проявляются в фактах несоциалистического отношения к труду, к общественной собственности, в противопоставлении личных интересов общественным, а также в случаях моральной распущенности, невежества и эгоизма, в поступках, оскорбительных по отношению к женщине, детям, семье. Еще живучи религиозные предрассудки и суеверия.

Конституция СССР среди других демократических свобод граждан нашей страны провозгласила свободу совести. В статье 124-й Конституции признается «свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды».

Однако свобода совести совсем не означает, что наши общественные, научные организации безразличны, нейтральны по отношению к религии. Всякая религия уже по сути своей антинаучна и реакционна. «Партия,—указывает товарищ Сталин,— не может быть нейтральна в отношении религии, и она ведет антирелигиозную пропаганду против всех и всяких религиозных предрассудков, потому что она стоит за науку, а религиозные предрассудки идут против науки, ибо всякая религия есть нечто противоположное науке».

Борьба с пережитками бескультурья, суеверий, предрассудков, с проявлениями буржуазной идеологии — одна из важнейших наших задач. Закончившаяся недавно сессия Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, обсудившая доклад академика Т. Д. Лысенко о положении в биологической науке, наглядно продемонстрировала, сколь важна борьба за чистоту материалистического, марксистско-ленинского учения, против каких бы то ни было идеалистических ухищрений. Работа сессии Академии показывает также, как важна сейчас пропаганда естественно-научных знаний, призванная помочь дальнейшему под'ему культурного уровня широких слоев населения, быстрейшей ликвидации реакционных пережитков.

В борьбе против отсталости и мракобесия, против религиозных предрассудков и иных пережитков прошлого велика и почетна роль художественной литературы. С давних времен передовые мыслители всех народов выступали со страстным обличением косности, рутины и религии, как невежественной и вредной идеологии. В беспощадной борьбе с религией и невежеством огромно значение прогрессивной русской общественной мысли и русской литературы. Эта борьба связана с дорогими нам именами Радищева, Пушкина, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Горького, Маяковского. Против религиозного мракобесия, рутины и отсталости выступали и лучшие писатели-классики наших братских республик, как, например, основоположник новой азербайджанской литературы Мирза Фатали Ахундов, татарский народный поэт Габдулла Тукаев и другие.

Многонациональная советская литература успешно продолжает и развивает эти славные традиции. Новые произведения наших писателей с особой силой показали утверждение социалистического сознания советских людей в борьбе со всем старым, отжившим. О торжестве новых общественных отношений в колхозной деревне красочно рассказал русский писатель С. Бабаевский в романе «Кавалер Золотой Звезды». Адыгейский писатель Т. Керашев в романе «Дорога к счастью» на судьбе своей героини Нафисет показал освобождение женщины-адыгейки от неравенства и рабства. Новую социалистическую жизнь абхазских аулов, не совместимую с вековыми обычаями старины и пережитками эксплоататорского общества, изобразил абхазский писатель Г. Гулиа в повести «Весна в Сакене».

И все же следует сказать, что наши писатели еще недостаточно обращаются к темам борьбы с пережитками бескультурья и суеверий — этими родимыми пятнами капитализма. Более того, — есть случаи вредной романтизации реакционных пережитков прошлого в некоторых художественных произведениях и даже протаскивания в литературу мистики, чуждой нам религиозной идеологии.

Наглядно проявилась идеализация прошлого, например, в книжках С. Маркова «Радуга-река» и Л. Мартынова «Лукоморье» с их неразборчивым любованием образами седой древности, с архаическим словарем и строем стиха. Следы того же порока явны в стихах молодого поэта Н. Тряпкина «Колхозная пирушка». В книжке Дм. Петровского «Святослав» воспевание пережитков старины сочеталось с искажением русской истории, с мистикой и символизмом.

Своеобразной формой идеализации прошлого явилось также воспевание некоторыми армянскими поэтами древнего озера Севан. Сейчас на этом озере строится крупнейшая гидроэлектростанция, которая преобразит экономику многих районов Армении. Вопреки этому, поэты А. Граши, С. Таронци с упорством, достойным лучшего применения, продолжали рисовать читателю Севан в виде «синего ковша, полного сказочным армянским вином», либо «духовной реликвии, где блуждают бесплотных веков веселые языческие боги».

Известно, как могуче расцвели индустрия Советской Украины, ее социалистическое сельское хозяйство. Словно не замечая этого, молодые украинские поэты М. Стельмах, Е. Бандуренко, А. Супрун обращаются в своих стихах к образам былой казацкой старины, хуторской дореволюционной Украины. Эпигонски перепевая писателей прошлого, автоматически перенимая словарь старой поэтики, они воскрешают «соломенные стрехи» в украинских селах, «шитые золотом жупаны» и т. д. Все это выглядит, как дикий анахронизм, как идеализация старого патриархального уклада, как крайняя национальная ограниченность.

Еще более нелепа религиозная символика, которая нашла место в поэме «Алия» казахского поэта К. Сатыбалдина, посвященной Герою Советского Союза Алии Молдагуловой. Автор поэмы не только об'ясняет причину героизма Алии тем, что она — потомок былинных героев, но и заставляет арабского халифа, мусульманского святого «хазрета Али»... явиться с того света, чтобы поздравить советскую патриотку с высокой наградой.

Несовместимые с самим существом нашей литературы молитвенные обращения к духу реки Лены, мистическое одухотворение явлений современной общественной жизни, религиозные заклинания содержатся в некоторых стихотворениях якутских поэтов. Состоявшийся недавно с'езд советских писателей Якутии правильно осудил проявленное этими поэтами некритическое отношение к пережиткам прошлого, которое может лишь способствовать оживлению буржуазно-националистической идеологии.

Имеет место и недопустимое издание под видом классики произведений, пропагандирующих оскорбительные и чуждые нашим народам взгляды и обычаи старины. Так, в Туркмении, где еще не изжиты рецидивы унижавших женщину древних обычаев, издан под редакцией П. Скосырева дестан (роман) поэта XVIII века Шабенде «Саят и Хемра». В этом дестане отстаивается вредная мысль о том, что хотя многоженство и унизительно для женщины, все же оно законно и благостно для мусульман. Женщина-туркменка, на протяжении столетий боровшаяся за свои права, подчас предпочитавшая смерть унижению своего человеческого достоинства, извращенно представлена в дестане, как некое забитое и бесправное существо, радующееся «счастью» многоженца.

Необходимо решительно очистить нашу литературу от вредной идеализации реакционных пережитков, закрыть доступ в нее всем и всяческим проявлениям чуждой идеологии. Советские писатели призваны быть активными участниками боевой, наступательной научной пропаганды в массах трудящихся, своей работой являть пример глубокой партийности, принципиальности, воинствующей большевистской идейности.

СНОВА В МОСКВЕ

Беседа с Марией Пуймановой

12 сентября в Москву по приглашению Союза советских писателей СССР приехала из Праги видная чешская писательница Мария Пуйманова.

Наиболее крупные и известные произведения М. Пуймановой — романы «Люди на перекрестке», удостоенный Государственной премии Чехословацкой республики, и «Игра с огнем». Это первые две части трилогии, задуманной писательницей.

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» Мария Пуйманова сказала:

— Я счастлива снова вступить на землю столицы могучего Советского Союза. Однажды я уже была в Москве — в 1932 году. Но сейчас мне кажется, будто я приехала в совершенно другой город, настолько чудесная Москва 1948 года не похожа на Москву, которую я видела шестнадцать лет назад. Я бесконечно рада, что вновь нахожусь в великой социалистической отчизне, которая служит примером для трудящихся моей страны. После первой поездки в СССР я опубликовала книгу репортажа «В стране нового». Надеюсь, что мои теперешние впечатления также дадут возможность написать книгу.

Сейчас я работаю над последней частью трилогии. В новом романе я собираюсь показать борьбу чешских патриотов, возглавляемых коммунистической партией, против немецких оккупантов в годы второй мировой войны. Видное место в романе займет история формирования чехословацких вооруженных сил в Советском Союзе и их борьбы бок о бок с советскими воинами. Книга закончится освобождением Праги Советской Армией 9 мая 1945 года.

Я уже давно собираюсь написать также книгу о Праге. Сейчас я еще не знаю, что это будет — роман или серия рассказов. Мне хочется показать замечательных людей нашей столицы, подпольщиков, участников пражского восстания, строителей новой демократической Чехословакии. Героями моей книги будут простые люди — рабочие, служащие.

Теперь я могу, наконец, свободно работать, писать о народе и для народа. Еще совсем недавно это было сопряжено с большими трудностями. Когда я, например, начала писать роман «Люди на перекрестке», то для того, чтобы изучить жизнь на заводах Бати, мне пришлось заявить, что я буду писать для одного консервативного журнала, иначе бы меня не допустили на заводы. Когда в стране господствовали бати, не так-то легко было напечатать правду о положении трудящихся! Я помню, журналисту Сватоплуку удалось написать такую книгу и издать ее, но Батя скупил все экземпляры, и книга так и не увидела читателя...

В новой Чехословакии народная власть предоставила нам, литераторам, все возможности для плодотворной творческой работы. Перед писателями Чехословакии (наш Союз писателей об'единяет больше 1.200 человек) стоят большие организационные и культурно-просветительные задачи. Чехословакия — небольшая страна, у нас мало людей, поэтому каждому надо выполнять не только одно дело. Многие писатели работают в государственном аппарате. Литераторы организовали шефство над деревней. Из писателей, художников, артистов составляются бригады, которые помогут строительству новой культуры в селах.

— Мы справимся со своими задачами, — сказала в заключение Мария Пуйманова. — Порукой этому воля нашего народа, строящего новую жизнь на освобожденной земле, порукой этому пять рубиновых звезд на башнях московского Кремля, — и она указала рукой на сияющие в ночном московском небе за окном ее комнаты в гостинице красные звезды.

ЗА МИР, ЗА ДЕМОКРАТИЮ!

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЭ

ВЕЛИКАЯ СЕМЬЯ

На границе СССР и Польши в наш вагон сел демобилизованный польский полковник. Поезд отошел от Брестского вокзала. Вокруг развернулась панорама полей с созревшими хлебами. Вплоть до горизонта были видны работающие на полях крестьяне.

Наш путь лежал к Варшаве. Когда мы под'езжали к Висле, сердце мое взволнованно забилось. Я вспомнил дни, когда наши таджики воевали здесь рука об руку с узбеками, украинцами, белоруссами, воинами других народов СССР, вместе с солдатами великого русского народа.

В те самые декабрьские дни 1944 года, когда многонациональная Советская Армия вела победоносные бои на подступах к Варшаве, депутат палаты общин Грехэм с трибуны английского парламента презрительно назвал узбеков и таджиков «ничтожными азиатскими племенами».

Я подумал вслух: с какими посланцами Англии мы встретимся на Вроцлавском конгрессе?

Польский полковник улыбнулся и сказал:

— Надеюсь, вы не собирались и не собираетесь вступать в спор с Грехэмом или с кем-либо ему подобным?

— Вряд ли на конгрессе, — ответил я, — будут такие представители Англии, с которыми нельзя обсуждать вопросы мира. Мы, несомненно, встретим здесь англичан, которых можно спросить, как по их мнению, — действительно ли ничтожны люди, способные на великие человеческие чувства?

И я снова вспомнил тот же 1944 год. В Сталинабаде шло заседание Совета Министров; открылись двери, и перед министрами предстали два таджика солдата; от имени приехавшей с Вислы делегации они рапортовали о боевых делах. Закончив рапорт, солдаты бережно поставили на стол, за которым сидели министры, две прозрачные бутылки: они были наполнены водою. Солдат таджик сказал негромко:

— Мы пришли с берегов Вислы, и это висленская вода...

Все поднялись. Председатель Совета Министров взял в руки бутылку, торжественно произнес:

— Нам дорога эта вода и потому, что таджики участвуют в освобождении Польши, и потому, что многострадальный польский народ пьет ныне из освобожденной родной реки. Пусть вовеки здравствует и живет свободная Польша — друг СССР!

Я знаю, эту заветную воду долго хранили в Совете Министров Таджикистана, в Сталинабаде, на улице Ленина. И я думаю, что немало таких бутылок с водою из Вислы было и в других наших союзных республиках; их хранили, как реликвию, и в Узбекистане, и в Грузии, и в Туркмении, и на Украине.

Демобилизованный польский полковник внимательно слушал повесть о днях, связавших его народ с моим таджикским народом. То, что я поведал ему, я не сказал бы члену английского парламента Грехэму — колонизатору, привыкшему смотреть свысока на человечество и убежденному в том, что малые народы должны жить в угнетении. Вопиющее невежество стало для многих Грехэмов базисом расовой человеконенавистнической теории. Но на конгрессе деятелей культуры в защиту мира, предполагалось, мы не встретимся с подобными джентльменами, которых придется наставлять в элементарных вопросах человечности, об'яснять, скажем, что мой народ, таджики, — народ, обладающий древней и высокой культурой.

Правда, когда-то эта культура была задавлена, но Великая Октябрьская социалистическая революция дала таджикскому народу государственность. До революции на нашей земле не дымила ни одна фабричная труба, теперь здесь создана индустрия, оснащенная современной передовой техникой. На заводах и фабриках, рудниках и нефтепромыслах республики работают тысячи таджиков, квалифицированных рабочих, инженеров, техников, директоров промышленных предприятий. Наши крестьяне, дехкане об'единились в колхозы, им не в диковинку трактор и комбайн; они возводят огромные ирригационные сооружения, строят электростанции.

До революции Таджикистан был краем поголовной неграмотности — я не беру в расчет полпроцента грамотных баев-помещиков, мулл и чиновников эмира Восточной Бухары. Теперь все дети обучаются у нас бесплатно; в республике много средних школ, техникумов, высших учебных заведений. Таджики — инженеры, ученые, педагоги, юристы, врачи, архитекторы, художники, писатели, артисты верно служат народу, двигают вперед самую передовую в мире советскую культуру. У нас открывается первый государственный университет, в республиканском филиале Академии наук СССР и его многочисленных научно-исследовательских институтах работают таджики. Советская власть дала моему народу новую письменность, доступную широким массам. У нас появились газеты, журналы, книги. Таджики читают на своем родном языке произведения Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, Пушкина и Горького, Фирдоуси и Низами, Байрона и Гёте, на таджикских сценах идут драмы Шекспира, таджикские певицы и певцы выступают в «Пиковой даме» Чайковского и в «Кармен» Бизе...

***

На Варшавском вокзале советскую делегацию встретила группа польских писателей; ко мне обратился Юлиан Тувим:

— Я читал в русском переводе ваши стихи и хотел бы «Индийскую балладу» услышать на таджикском языке.

— С удовольствием прочитаю вам эти стихи во Вроцлаве, — ответил я.

— Для нас, поэтов, интересна и звуковая одежда стихов, не правда ли? Недавно передо мною предстала далекая Индия в вашей поэме, а завтра во Вроцлаве мы встретимся с посланцами Индии.

Мы бросили взгляд на руины, окружавшие Варшавский вокзал, и поезд ушел во Вроцлав; там мы встретились с делегатами конгресса; там мы продолжили наш разговор с польскими поэтами.

Естественно, что многое, о чем мы говорили в кулуарах конгресса, имело отношение к польской литературе. Могли ли раньше мы, таджики, интересоваться этой литературой? Что знали мы о Польше? Польшу у нас называли Ляхистон, как и ныне ее называют во всем фарсидском мире. Таджики не знали и не могли знать истории этого славного древнего славянского народа, не могли знать культуры поляков.

Переводя на таджикский язык стихи Пушкина, я долго перечитывал строфы об Адаме Мицкевиче:

Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами,
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся...

Заветные чувства поэтов остались нам в наследство. Я говорил во Вроцлаве с поэтами об этом; о том, что вот я, советский поэт, нахожусь сейчас в Польше, и мы беседуем о том, что лучшие люди народов должны «в великую семью соединиться». Не будь в нашей стране советского строя, основанного на дружбе народов, могли ли мы быть здесь, я—поэт Таджикистана, и Самед Вургун — поэт Азербайджана?

Только потому, что к нам, в Таджикистан, пришел Октябрь, я узнал о поэтическом гении Красинского, прочитал задушевные новеллы Ожешко, Конопницкой, Болеслава Пруса. Пали перегородки национальные и в литературах, и перед моим народом широко открылся мир.

Пусть же «величественный Грехэм» оспорит достояние «ничтожных племен» Советской Азии! Пусть друзья Грехэма бормочут что-то о «железном занавесе», который якобы опущен рукой СССР перед культурой мира. Думаю, что я лучше знаю стихи современных польских поэтов, чем вышеуказанный достопочтенный член английского парламента.

Мне очень понятен польский поэт Юлиан Тувим, поклонившийся свободолюбивой поэзии всех народов, и я с большой радостью узнал о его привязанности к Пушкину, Гоголю, Тургеневу, Гюго, Диккенсу, Сервантесу, — этих писателей мне дала наша революция, с ними я вошел в мир, с ними я приехал во Вроцлав. Я перевел на свой родной язык лирические стихи Пушкина и мечтаю последовать примеру Тувима, который перевел на звучный польский язык «Медного всадника» и «Слово о полку Игореве», а также поэмы Маяковского...

В эти три вроцлавских дня мы познакомились со многими литераторами — чешскими, словацкими, болгарскими, латино-американскими. В перерывах, покидая здание Политехнического института, где происходили наши заседания, мы бродили по улицам древнего польского города; всюду, на всех улицах Вроцлава, шли восстановительные работы; здесь, как и в Варшаве, — это мы увидели позже, — велась работа упорная, в больших масштабах.

Во Вроцлаве я вновь встретился с индийским поэтом Мульк Радж Анандом, с которым в прошлом году познакомился в Дели. Он сообщил мне приятную новость: почти все индийские газеты и журналы напечатали отрывки из моей «Индийской баллады». Я сказал ему, что краски Индии, ее мрачнейшие житейские контрасты (будем надеяться, они скоро исчезнут!) останутся навсегда в моей памяти, как и картины любовного созидания поляками новой жизни своих городов. Индийский поэт заметил: он рад тому, что в Варшаве открываются театры, лекционные залы.

— Прибавьте и национальную картинную галлерею. Когда я ехал в Польшу, наш таджикский живописец Хошмухамедов просил привезти ему фотокопии картин Матейки, если нельзя достать копий в цвете.

Ананд усмехнулся и спросил: думаю ли я, что картинами Матейки мог бы заинтересоваться достопочтенный Грехэм?

Я ответил, что насчет этого мне трудно что-либо сказать, но предполагаю, что картинами быта Индии эти господа уже наверняка не заинтересовались бы, хотя Индия многие десятилетия находилась в их руках, и именно они придали жизни индусов весьма мрачный колорит. С картинами жизни индусов я познакомился весной прошлого года в нескольких городах Индии, где встречал толпы нищих, голодных, полураздетых, а то и совершенно голых людей.

— Картины знакомые,—сказал Ананд.

— Вечерами, — продолжал я, — под манговыми, пальмовыми и банановыми деревьями я видел этих людей распластанными, они засыпали, напоминая подбитых безжалостным охотником птиц и птенцов. При мне поутру подбирали трупы умерших от голода людей; здесь были седые девушки и юноши. Индийская жизнь показала мне то, чего не открыл бы Грехэм.

Ананд молча сжал мою руку. Мне осталось добавить только то, что на конгрессе некоторые соотечественники Грехэма призывали всего-навсего лишь к... перерождению нравственности человека в старом англо-саксонском вкусе. Мы выслушали сладенькие рождественские сказки, в них не упоминалось о том, что в мире есть еще много людей, разделяющих судьбу индусских «неприкасаемых» — тех самых, которые еще сохранились в Индии десятками миллионов и которыми Хаксли и Тэйлор никогда не заинтересуются.

Я живо припоминал то, что видел в Индии, слушая речи выступавших во Вроцлаве негров Америки и Африки, индонезийцев, малагаскарцев, вьетнамцев; они пред'являли четкое и ясное обвинение в подавлении их свободы и выражали сомнение по поводу того, можно ли одним «перерождением нравственности» улучшить жизнь. Да, декламируя и квакерствуя на профессорский лад, Хаксли и Тэйлор не вспомнили хотя бы об индусских рикшах, человеко-лошадях, средняя продолжительность жизни которых 20—25 лет.

Мне пришлось видеть в Калькутте состязание рикш. Группа «цивилизаторов» устроила гонки на быстроту и выносливость: рикшам надели уздечки, англичане и американцы уселись в коляски и, дергая возжами, погоняя кнутами, помчались по улицам этого университетского города...

Мы слушали во Вроцлаве выступление американского делегата Хорди. У этого ученого историка короткая память. Во всяком случае, он «не осведомлен» о повсеместной «истории культуры» своих соотечественников, которые в Калькутте, на глазах всего честного мира, решают, может ли рикша соперничать в быстроходности с продукцией фордовских заводов. Состязание окончилось тем, что победитель-рикша умер на финише от разрыва сердца.

На Вроцлавском конгрессе эти островные и заокеанские мракобесы остались в меньшинстве; я понял, что есть многие и многие англичане и американцы, не поддерживающие своих «зубров». Я слышал слова индуса Ананда; мое сердце билось в лад речам людей с Мадагаскара и Цейлона; я с жаром приветствовал молодого грека, обменявшегося со мною рукопожатием.

Конгресс показал, что в мире нет уже такого места, где люди не понимали бы, что способствует вражде и расколу человечества, уничтожению культуры и подготовке атомного побоища; в мире нет уже такого уголка, где бы отсутствовали люди, связывающие все свои упования с народным движением, с борьбой своего трудового класса. Я уехал из Вроцлава в Сталинабад с теплым чувством; я познакомился с передовыми деятелями культуры и науки всех стран мира, готовыми во имя счастья и справедливости на борьбу за мир, за демократическое развитие своих народов.

СТАЛИНАБАД

НОВОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ М. В. ЛОМОНОСОВА

За прошедшие два века труды Ломоносова не раз издавались; тем не менее ни одно издание не было достаточно полным, многие рукописи и документы не были известны. Наиболее полное издание — девятое — было начато Академией наук в конце XIX века, но закончить его удалось только после Октября. В текущем году завершена работа над последним (восьмым) томом этого издания.

Сейчас по решению президиума Академии наук СССР предпринято новое издание собрания сочинений великого русского ученого. Оно будет состоять из пятнадцати томов. В него включаются многие неопубликованные материалы — научные статьи, заметки, ряд автобиографических документов.

Подготовлен к печати первый том нового издания. Он содержит труды М. В. Ломоносова по физике и химии, написанные с 1738 по 1746 год, в том числе знаменитые «Размышления о причине теплоты и холода».

В отличие от прежних, новое собрание сочинений Ломоносова рассчитано не только на специалистов, но и на широкий круг советской интеллигенции.

208 изданий книги «Краткий курс истории ВКП(б)»

1 октября исполнится десять лет со дня выхода в свет классического труда И. В. Сталина «Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». По сведениям Всесоюзной книжной палаты на 1 сентября 1948 года, эта книга — энциклопедия основных знаний марксизма-ленинизма — за истекшие десять лет издана в СССР 208 раз. Общий тираж—34 миллиона 219 тысяч экземпляров.

На русском языке вышло 71 издание «Краткого курса истории ВКП(б)» в количестве 27 миллионов 468 тысяч экземпляров. 94 изданиями тиражом 5 миллионов 571 тысяча экземпляров этот труд товарища Сталина вышел на языках народов Советского Союза.

В переводе на иностранные языки книга выдержала в Советском Союзе 43 издания.

К 30-летию ВЛКСМ

Писатели — комсомолу

Близится тридцатилетие Всесоюзного Ленинского комсомола. Союз советских писателей СССР образовал комиссию по подготовке к юбилею. В составе комиссии: Б. Горбатов (председатель), А. Безыменский (заместитель председателя), М. Колосов, Е. Долматовский, В. Ермилов, А. Жаров, А. Межиров, А. Софронов, И. Френкель, И. Чичеров, Г. Ярцев. Комиссия совместно с представителями ЦК и МК ВЛКСМ заслушала сообщения редакций журналов «Новый мир», «Октябрь» и «Знамя», редакции «Литературной газеты» и издательства «Советский писатель» о номерах газеты, журналов и книгах, выходящих к юбилею комсомола.

Издательство «Советский писатель» готовит к печати роман В. Ажаева «Далеко от Москвы», повесть В. Добровольского «Трое в серых шинелях», сборник новых стихов М. Алигер и коллективный сборник стихотворений «За мир и демократию». В журнале «Новый мир» будут помещены стихи С. Кирсанова и С. Наровчатова, дневник Героя Советского Союза летчицы Е. Рудневой. Журнал «Знамя» публикует повесть В. Игишева — «Шахтеры», в которой значительное место отведено показу трудовых подвигов советской молодежи, поэму В. Тавлая «Товарищи» (перевод с белорусского), очерк Вл. Рудного «Жизнь корабля», статью М. Тюрина «Молодое поколение страны социализма». Отдел критики и библиографии десятой книги журнала посвящается разбору творчества молодых авторов.

Роман Е. Мальцева «От всего сердца», очерк М. Буренкова «Время, завод, люди» — о комсомольцах-новаторах Горьковского автомобильного завода им. Молотова и очерк-репортаж «Советский молодой человек», рассказывающий о жизни, труде, учебе 26 комсомольцев и комсомолок нашей страны, будут напечатаны в десятом номере журнала «Октябрь».

Готовится к печати литературно-художественный сборник «Писатели — комсомолу»; в книгу войдут отрывки из лучших произведений, отражающих жизнь советской молодежи.

Бюро пропаганды художественной литературы ССП СССР поручено провести шефские вечера для молодежи и читательские конференции на крупнейших заводах, фабриках, в институтах, ремесленных училищах и школах Москвы.

Для проведения вечеров и чтения лекций в города-герои — Ленинград, Сталинград, Одессу, Севастополь и в города Киев, Горький и Сталино выезжают бригады поэтов и писателей.

В дни юбилея в Колонном зале Дома союзов состоится вечер «Писатели и поэты — комсомолу». Центральный дом литераторов проводит встречу писателей с молодежью столицы. Более сорока писателей и поэтов выступят с лекциями и докладами на торжественных собраниях молодежи.

Зал исторических документов

На выставке ЦК ВЛКСМ «Комсомол и молодежь в Отечественной войне» создается новый зал, экспозиция которого отобразит героический путь ленинско-сталинского комсомола.

Собрано большое количество подлинных документов, свидетельствующих о славных делах комсомольцев и молодежи в годы гражданской войны и в период мирного социалистического строительства. Среди экспонатов — листовки, обращения и плакаты 1917—1919 годов, неопубликованные фотографии, различные материалы, характеризующие комсомол, как верного помощника большевистской партии.

Интересны документы об участии комсомольцев в сооружении Магнитогорского комбината, Днепрогэса и других строек сталинских пятилеток.

В создании нового выставочного зала активное участие принимают старые комсомольцы. Один из товарищей передал в фонд выставки несколько экземпляров молодежных газет, выходивших в 1917 — 1923 гг. Ценные материалы прислали старые комсомольцы Горького, Днепропетровска и Одессы.

Новый зал выставки откроется к 30-й годовщине ВЛКСМ.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Москва.** В Музее архитектуры, помещающемся в Донском монастыре, открылся новый раздел—«Русская архитектура XVIII и XIX веков». Старинные гравюры, рисунки, модели и фрагменты зданий знакомят посетителей музея с выдающимися архитектурными памятниками Москвы и других городов. Среди экспонатов — подлинные проекты и чертежи Растрелли, Воронихина, Захарова, Баженова, Казакова и других прославленных мастеров русской архитектуры.

◆ **Нукус.** Каракалпакское государственное издательство выпустило сборник стихов молодых национальных поэтов. Советский патриотизм, дружба народов, трудовые подвиги — основные темы включенных в сборник стихотворений Т. Сейтжанова, Б. Исмаилова, Ж. Косшетарова, Р. Аяпбергенова и других.

◆ **Таллин.** Республиканское издательство выпустило в свет на эстонском языке повесть В. Пановой «Спутники». Выпуском этой повести началось издание серии книг советских писателей, чьи произведения удостоены Сталинской премии. В ближайшее время в переводе на эстонский язык выйдут «Белая береза» М. Бубеннова, «Счастье» П. Павленко, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова.

Торжество материалистической биологии

Н. СИСАКЯН,
член-корреспондент Академии наук Армянской ССР

В истории народов бывают дни, которые равнозначны целой эпохе. Так же бывает и в истории науки. Восемь дней, в течение которых проходила августовская сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, явились днями полной победы мичуринского направления в биологической науке и стали началом нового высшего этапа в ее развитии.

Стенографический отчет этой исторической сессии, сыгравшей такую большую роль в идеологической жизни нашей страны, выпущен в свет Государственным издательством сельскохозяйственной литературы. В эту отлично и, к чести Сельхозгиза, рекордно быстро изданную книгу вошли все материалы сессии: доклад академика Лысенко, 56 речей, заключительное слово акад. Лысенко, заявления «кающихся» антимичуринцев, письмо участников сессии товарищу Сталину и постановление сессии.

Отчет точно и последовательно воспроизводит ход борьбы передовых ученых против эпигонов буржуазной науки по вопросам познания и изменения мира, столь тесно связанным с разрешением исторической задачи нашего общества — создания изобилия продуктов. Читая отчет, не только обогащаешься новейшими открытиями в биологии — этой важнейшей области естествознания, но и наглядно видишь, сколь огромную роль играет передовая наука в строительстве коммунистического общества.

Для советских ученых-естественников, для десятков тысяч агрономов, животноводов, колхозников-опытников нашей страны отчет станет настольной книгой.

* * *

Доклад президента Академии академика Т. Д. Лысенко о положении в биологической науке, одобренный ЦК нашей партии, и выступления на этой сессии мичуринцев—теоретиков и практиков имеют действительно историческое значение для судеб развития не только биологической науки, но и многих других областей естествознания.

На этой сессии были подведены итоги длительной борьбы передового материалистического мичуринского учения с идеалистическим учением Вейсмана—Менделя—Моргана, вскрыта несостоятельность и ненаучность теоретических представлений морганистов-менделистов о законах развития организмов, о путях эволюции органического мира.

В своем глубоком теоретическом докладе академик Т. Д. Лысенко показал, что биология всегда являлась ареной борьбы двух непримиримых философских лагерей — материализма и идеализма. Борьба материалистической биологии против вейсманизма-морганизма-менделизма есть борьба двух взаимоисключающих мировоззрений, борьба диалектического материализма против идеализма, науки против мистики, диалектики против метафизики.

Дарвин положил начало материалистической биологии, хотя он не избежал существенных ошибок, привнеся в свое учение элементы реакционной мальтусовской идеи, на которые ему указали классики марксизма. Однако вскоре стало ясным, что научное материалистическое ядро дарвинизма — учение о развитии живой природы—находится в резком противоречии с идеалистическими представлениями, господствовавшими в биологии. Поэтому реакционные биологи сделали все от них зависящее, чтобы выбросить из дарвинизма его материалистические элементы.

«В последарвиновский период подавляющая часть биологов мира, вместо дальнейшего развития учения Дарвина, делала все, чтобы опошлить дарвинизм, удушить его научную основу,—указал Т. Д. Лысенко.—Наиболее ярким олицетворением такого опошления дарвинизма являются учения Вейсмана, Менделя, Моргана, основоположников современной реакционной генетики» (стр. 10).

Анализируя сущность менделизма-морганизма, причины бесплодия «теоретических» исканий приверженцев учения Вейсмана, раболепствующих перед буржуазной наукой Н. П. Дубинина, И. И. Шмальгаузена, А. Р. Жебрака, Б. М. Завадовского и других, Т. Д. Лысенко на конкретных примерах показывает, что менделизм-морганизм построен на случайностях. «Живая природа представляется морганистам хаосом случайных, разорванных явлений, вне необходимых связей и закономерностей... Изживая из нашей науки менделизм-морганизм-вейсманизм, мы тем самым изгоняем случайности из биологической науки», — говорит под аплодисменты всего зала Т. Д. Лысенко.

Академик Т. Д. Лысенко разоблачил реакционные и насквозь идеалистические воззрения вейсманистов, морганистов, менделистов на природу наследственности и подверг их всесторонней, научно обоснованной критике. **«Бессмертное наследственное вещество, независимое от качественных особенностей развития живого тела, управляющее бренным телом, но не порождаемое им,** — такова открыто идеалистическая, мистическая в своем существе концепция Вейсмана, выдвинутая им под завесой слов о «неодарвинизме», — указывает он (стр. 12).

Вейсманисты стоят на точке зрения непознаваемости природы наследственности.

Диалектический же материализм считает, «что нет в мире непознаваемых вещей, **а есть только вещи, еще не познанные,** которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики» (И. Сталин).

Начало новому этапу развития материалистической биологии положил величайший преобразователь природы И. В. Мичурин.

Жизнь и долголетняя деятельность И. В. Мичурина ознаменована блестящими открытиями в области теории биологической науки и невиданными в истории практическими достижениями. Созданные им сорта плодово-ягодных культур, великолепно приспособленные к удовлетворению запросов человека, явились результатом огромной теоретической работы, творческого развития им учения Дарвина.

Мичуринское учение основывается в своей методологии на принципах диалектического материализма. Оно творчески развивает дарвинизм, отбрасывая при этом односторонние, ошибочные и устаревшие его положения. **Это учение тесно связано с жизнью, с практикой социалистического сельского хозяйства, с колхозами, опытными станциями, с селекционерами, агрономами, с рабочими совхозов и колхозниками; оно, это учение, всеми своими корнями связано с народом.**

Мичуринское учение представляет собой качественно новую, высшую ступень в развитии дарвинизма. Мичурин, овладев всем, что было лучшего в учении Дарвина, сделал огромный творческий шаг в развитии дарвинизма. «Наш советский мичуринский дарвинизм — это творческий дарвинизм, по-новому, в свете учения Мичурина, ставящий и решающий проблемы теории эволюции», — отметил в своем докладе Т. Д. Лысенко (стр. 38).

И. В. Мичурин впервые с огромной убедительностью показал, что в организме нет особого, независимого от его тела вещества наследственности. Мичуринское учение исходит из того, что наследование свойств, приобретаемых растениями и животными в процессе их развития, не только возможно, но и совершенно необходимо.

Мичурин нанес сильный удар по вейсманизму-менделизму-морганизму. Окончательный же удар этой реакционной, насквозь идеалистической теории нанес академик Т. Д. Лысенко. Он высоко поднял мичуринское знамя в биологии, развил учение Мичурина и обогатил своими научными открытиями сельскохозяйственную практику.

Исследования Т. Д. Лысенко значительно расширили наши знания о путях направленного изменения наследственности организмов. Эти работы явились основой для еще более глубокого проникновения в сущность взаимодействия между организмом и внешней средой. Они подняли на огромную высоту значение процессов обмена веществ, совершающихся в организме, которые теснейшим образом связаны с наследственностью. Определяя собой биологические особенности организма, обмен веществ в то же время создает единство организма с внешней средой, что является всеобщим свойством всего живого.

Яркие, доказательные выступления на сессии мичуринцев и неубедительные демагогические речи антимичуринцев А. Р. Жебрака, И. И. Шмальгаузена, Б. М. Завадовского и других показали полную непримиримость их взглядов.

Вся деятельность мичуринцев свидетельствует о преобразующей роли учения Мичурина, о тех крупнейших достижениях, которые получены на основе этого учения.

Академик П. Н. Яковлев свое выступление посвящает исследованиям мичуринцев, которые они вели под руководством Т. Д. Лысенко в различных районах Советского Союза в течение последних лет. Он указал на блестящие работы по вегетативной гибридизации одноцветных травянистых растений с резко контрастирующими признаками. «За 8—10 лет этой школой получено столько фактов по вегетативной гибридизации, сколько не было получено во всем мире за последние 150 лет» (стр. 86).

Академик И. Г. Эйхфельд говорит о творческой работе коллектива Всесоюзного института растениеводства. Исходя из учения Мичурина, коллектив добился огромных результатов. «О практической значимости нового подхода в изучении мировых коллекций, — указывает Эйхфельд, — свидетельствует тот неоспоримый факт, что в трудных условиях войны и в послевоенный период непосредственно институтом было дано более 170 новых сортов, а в 1949 г. это число будет доведено до 200» (стр. 55). Академики А. А. Авакян и П. П. Лукьяненко рассказали об успешных результатах применения метода гибридизации в селекционной работе.

Академик Д. А. Долгушин посвятил свою речь работам мичуринцев над ветвистой пшеницей и перспективам ее внедрения в социалистическое земледелие. При соответствующей агротехнике ветвистая пшеница может дать урожай от 80 до 100 центнеров с гектара.

Академик Е. Н. Ушакова продемонстрировала чудесные плоды созидательного труда мичуринцев Грибовской селекционной станции.

Директор государственного племенного рассадника крупного рогатого скота костромской породы В. А. Шаумян, академик Л. К. Гребень, зам. министра совхозов Е. М. Чекменев говорили о крупных достижениях в социалистическом животноводстве. В. А. Шаумян рассказал, как коллектив совхоза «Караваево» добился больших результатов в создании новой породы крупного рогатого скота. Создано много десятков коров с удоями 10—13 тыс. кг. молока и даже 16 тыс. кг.

О широких перспективах, которые открываются перед социалистическим земледелием в связи с внедрением комплекса Докучаева—Вильямса, говорили в своих выступлениях академики С. Ф. Демидов, И. В. Якушкин, агроном И. И. Хорошилов, А. В. Крылов, начальник управления планирования сельского хозяйства Госплана СССР В. С. Дмитриев и другие.

Глубокие теоретические выступления академиков М. Б. Митина, И. И. Презента, П. П. Лобанова и тов. В. Н. Столетова были посвящены всесторонней критике морганистов-менделистов.

Какими беспомощными и теоретически путаными кажутся речи сторонников реакционного вейсманистского учения! Никто из них не мог подкрепить свое выступление ни одним практически полезным делом. Всеобщее изумление и возмущение вызвала попытка некоторых из них (в том числе и самого И. И. Шмальгаузена—лидера вейсманизма-морганизма в нашей стране) изобразить себя... мичуринцами. Под перекрестным огнем жизненной правды мичуринской теории и практики проявилось полное банкротство прогнивших, спекулятивных идей вейсманизма.

Перечитывая страницы отчета, еще и еще раз убеждаешься, что с именем мичуринцев связан каждый шаг поступательного движения материалистической биологии, служащей народу, помогающей развитию народного хозяйства.

А что сделали для народа те, кто в течение многих лет оппонировал мичуринцев, вел борьбу против них? Они были заняты бесплодными схоластическими исследованиями, не только не дающими ничего нового нашему народу и государству, но дезориентирующими практику сельского хозяйства.

Мичуринское учение, всецело базирующееся на философии диалектического материализма и практике строительства социализма, является действенным, единственно правильным и последовательно прогрессивным направлением в биологии.

К сожалению, как отметил в своем выступлении академик И. И. Презент, тлетворное влияние морганизма сказалось и на некоторых наших философах, которые долгое время пытались «не иметь» своей точки зрения на такой важный, идеологического значения вопрос биологии, как проблема управления наследственной изменчивостью.

«Об'ективизм» наших философов, столь резко осужденный тов. Ждановым на философской дискуссии, привел к тому, что многие из них в теоретических вопросах биологии колебались, подобно маятнику, не зная, кому отдать предпочтение: Моргану и Меллеру или Мичурину и Лысенко. Другие же открыто поддерживали антимичуринцев. Такая позиция наших философов отнюдь не способствовала укреплению мичуринского направления. Академик И. И. Презент справедливо потребовал от работников философского фронта «...раскрыть философские глубины мичуринского учения» (стр. 506).

В конце сессии выступили с заявлением об отказе от своих ошибочных взглядов П. М. Жуковский, С. И. Алиханян и И. М. Поляков. Их заявления также имеются в отчете. Сессия приняла их к сведению. Будущее покажет, насколько они являются искренними.

В своем письме к товарищу Сталину участники сессии заявляют: «Вы, дорогой наш вождь и учитель, повседневно помогаете советским ученым в развитии нашей передовой материалистической науки, служащей народу во всех его трудах и подвигах, науки, выражающей мировоззрение и благородные цели человека нового социалистического общества» (стр. 529).

Выразителями этого мировоззрения в биологической науке являются мичуринцы. Возглавляемые Т. Д. Лысенко, они вели и ведут борьбу за подлинно научный прогресс, за действенную помощь ученых социалистическому строительству.

В конце стенографического отчета приводится постановление сессии по докладу акад. Т. Д. Лысенко, в котором передовые советские ученые, обращаясь ко всем работникам сельскохозяйственной науки и практики, призывают «развивать мичуринское учение, передовую агробиологическую науку, способную успешно решать задачи, поставленные нашей партией и правительством перед работниками сельского хозяйства» (стр. 534).

Десятки тысяч людей, достоянием которых станет эта книга, найдут в ней много ценных теоретических и практических указаний, которые помогут им выполнять этот призыв.

О ПОЛОЖЕНИИ В БИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ. Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, 31 июля—7 августа 1948 г. Огиз—Сельхозгиз, 1948 г., 586 стр., цена 12 руб., тираж 200.000.

ЧЕЛОВЕК И ГОРОД

Карагандинские контрасты

В № 58 «Литературной газеты» была помещена статья бригады писателей, выезжавших в Донбасс, — «Человек и город», в которой шла речь о неудовлетворительной работе по благоустройству городов и поселков Донбасса. Публикуемое сегодня письмо из Караганды показывает, что описанные бригадой писателей неурядицы в бытовом и культурном обслуживании горняков, металлургов и машиностроителей Донбасса в значительной степени свойственны и Караганде. Мы ждем отклика Министерства угольной промышленности восточных районов и местных советских организаций, — что намерены они предпринять для ликвидации «карагандинских контрастов».

Город возникает внезапно. Белорозовый, многоэтажный, в темной зелени парков, он сказочным островом возвышается в степи. Его называют Новая Караганда в отличие от Старой Караганды, которая представляет собой несколько разбросанных по степи поселков.

В этом году здесь осуществляется грандиозная программа жилищного строительства. На это дело вне всякой очереди выделяются денежные средства, материалы, механизмы, рабочие. За шесть месяцев выполнен годовой план сооружения домов. Шахтеры получили свыше 250 тысяч квадратных метров новой жилой площади. Из мазанок, бараков тысячи людей переехали в новые каменные строения, в коттеджи. Каждая десятая семья в этом полугодии отметила новоселье.

Карагандинцы по праву гордятся ростом своего города. Гордятся своей работой и трест «Карагандажилстрой» и комбинат «Карагандауголь», которому принадлежит половина всего жилого фонда. Однако руководители этих организаций, говоря о достижениях, умалчивают о том, что немало домов сдается в эксплоатацию с большими недоделками, без удобств.

Карагандинцы привыкли к тому, что днем в городе прекращается подача воды, и хозяйки, звеня ведрами, становятся в очередь у колонок. Привыкли они к тому, что в новом доме не горит свет и не действует канализация, что у парадного под'езда весной и осенью—непролазная грязь.

Существует положение, по которому дом не разрешается заселять до того, как он будет окончательно отделан, оштукатурен, окрашен изнутри и снаружи, пока к нему не будут подключены водопровод, электрическая сеть, канализация, отопление. Но строительные организации всячески стараются обойти эти условия, лишь бы поскорее сдать дом и заселить его.

Сады и парки для Караганды не только украшение, это защита города от пыли, от ветров, от зноя, от снежных буранов. Многих трудов стоило людям вырастить здесь, в выжженной солнцем степи, стройные тополи, карагач, серебристую дикую маслину. В конце пятилетки предполагается довести площадь озелененных участков до 20 кв. метров на каждого жителя. Но и сегодня зеленых насаждений могло бы быть в городе значительно больше, если бы за молодыми деревьями был установлен уход, если бы их оберегали от поломок.

Бич Караганды — бездорожье. Нередко на ее улицах можно видеть великолепный дом, буквально дворец, но для того, чтобы жильцу этого дома в распутицу попасть к себе домой, надо преодолеть много препятствий. Из 217 километров городских улиц замощено всего... 4. Здесь подсчитали, что экономия горючего, которое за пять лет пережгли карагандинские шоферы, буксуя по грязи и застревая в ухабах, **могла бы покрыть с лихвой затраты на создание отличных дорог, мостовых и тротуаров. Не заняться приведением дорог в порядок ни горсовет, ни комбинат «Карагандауголь» не желают.**

С точки зрения местного горсовета все описанное — досадные мелочи. Но эти «мелочи» свидетельствуют о пренебрежении к быту граждан, эти мелочи говорят о бездушном, бюрократическом отношении к шахтерам — жителям нового города. Карагандинцы, которые с честью выполняют долг перед Родиной, вправе пред'явить свой счет горсовету и строителям.

А. СВЕТОВ

Чердынская легенда

Богата летопись Чердыни. Некогда Чердынь была шумной столицей Перми Великой, стойбищем на пути с Печоры на Каму. Доходила досюда казацкая вольница Ермака. Приезжали из дальних мест купцы за песцом и соболем. Торговали предприимчивые люди знаменитой печорской семгой. По Колве сюда поднимались строгановские послы. Старожилы помнят много любопытных легенд. Однако нет здесь сейчас легенды более популярной, чем легенда о том, как Министерство коммунального хозяйства РСФСР восстанавливает Чердынскую электростанцию.

В 1899 году здесь была построена первая в Пермской губернии электростанция.

С годами неказистое оборудование обветшало, пришло в негодность.

В 1940 году чердынцы возбудили ходатайство о новом оборудовании для небольшой городской электростанции. Просили они локомобиль в 250 л. с. и генератор к нему в 300 квт. Много с той поры утекло воды из Колвы в Каму. На Урале выросли теплоэлектроцентрали, гидростанции, электрифицированы тысячи сел. А древний город остается без освещения.

Каждый год с открытием навигации уезжали «ходоки» в Москву.

...4 июля 1947 года из Совета Министров РСФСР сообщили чердынцам о том, что Госплану РСФСР и Министерству коммунального хозяйства РСФСР предложено рассмотреть ходатайство Чердынского исполкома и включить в план на 1948 год восстановление электростанции. Надо ли говорить, как эта весть обрадовала жителей таежного города?!

Вслед за этим пришло письмо от начальника Главэнерго Министерства коммунального хозяйства РСФСР тов. Далина, в котором он сообщал, что локомобиль с электрогенераторами выделить не представляется возможным ввиду того, что министерство не имеет фондов на локомобили такой мощности.

Время шло. Далина сменил Филиппов. Новый начальник Главэнерго в декабре прошлого года подал о себе весть. Правда, она была не очень утешительна, но все же обнадеживала: «Вопрос о выделении городу Чердыни локомобиля и генератора, — писал тов. Филиппов, — будет рассмотрен при получении соответствующих фондов на 1948 год».

Повеяло весной. 11 марта 1948 года заместитель начальника Главэнерго тов. Абрамян писал: «Директору Чердынской городской электростанции. Главэнерго Министерства коммунального хозяйства РСФСР сообщает, что по фонду 1948 года Чердынской городской электростанции выделен генератор трехфазного тока мощностью 160 киловатт. Вам надлежит заполнить прилагаемый опросный лист».

Собрались чердынцы у опросного листа, а ответить ни на один вопрос не могут. Какие технические данные о генераторе сообщить, когда неизвестно, какой еще будет дан локомобиль? В Москву, в адрес Главэнерго, была молнией направлена телеграмма: «Ожидаем Главэнерго точных данных первичного двигателя». Из Главэнерго не замедлили ответить. Телеграфировал Елисеев: «Фонду локомобиль отсутствует тчк Генератор будет снят тчк».

Остались чердынцы с незаполненным опросным листом. Снова собрались в исполкоме, подумали и решили послать телеграмму министру коммунального хозяйства РСФСР тов. Говоркову. Телеграмму составили большую, сердитую. Шесть лет без света город.

29 мая министр ответил. Он оправдывался, — не было локомобилей, поэтому-де и сняли генератор, но просил чердынцев не терять надежды.

Ровно через месяц, 29 июня, заместитель начальника Главэнерго тов. Абрамян сообщил: «Вопрос об обеспечении города Чердынь локомобилем будет рассмотрен с планом на 1949 год».

...Конец легенды о том, как Министерство коммунального хозяйства РСФСР восстанавливает Чердынскую электростанцию, еще не дописан...

М. МОЦЕНОК

Библиотека для многих городов

На-днях Государственная научная библиотека Министерства высшего образования СССР отправила в Сталинград «Научные труды НАТИ». Выполнялся очередной заказ по иногороднему абонементу № 720, принадлежащему библиотеке Сталинградского тракторного завода.

С Государственной научной библиотекой Министерства высшего образования СССР держат тесную связь 199 библиотек промышленных предприятий страны. Заказы на научную книгу поступают из самых различных мест Советского Союза — из Челябинска, Владивостока, Фрунзе, Алма-Аты, Таллина, Кишинева, Архангельска, Барнаула, Воркуты, Колымы, Ухты. За восемь месяцев этого года из Москвы по иногородним абонементам выслано 10.500 книг.

В тех же случаях, когда научные труды, статьи, журналы хранятся в одном экземпляре и не могут быть высланы, на помощь приходят фотографии и микрофильмы. За последние три месяца на места разослано более трех тысяч фотокопий журнальных статей, чертежей, схем и более 80 тысяч листов книг, снятых на микропленку.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«Обидно за родной Тамбов»

В «Литературной газете» № 59 сообщалось, что в Тамбове не проявляют заботы о благоустройстве города: улицы заросли травой, через кюветы нет мостков, бани не работают, городской парк завален шлаком и т. п.

Секретарь горкома ВКП(б) тов. Дева сообщил редакции, что бюро Тамбовского горкома обсудило заметку «Обидно за родной Тамбов» и признало правильными указанные в ней недостатки в благоустройстве города. Приняты меры для благоустройства набережной реки Цны. В текущем году решено произвести не менее одной трети этих работ и полностью закончить их в 1949 году. Горком и горисполком провели специальное совещание хозяйственных руководителей и потребовали ускорения работ по благоустройству города. Горком ВЛКСМ и военный отдел горкома ВКП(б) улучшили руководство строительством нового стадиона «Спартак». Земляные работы на стадионе будут закончены не позднее 1 октября, и стадион начнет функционировать с весны будущего года.

«От читателя прячут книги»

Писатель П. Замойский в № 53 «Литературной газеты» рассказал о том, как пензенские книготорговые деятели тт. Кузнецова и Громов преграждают путь книге к читателю.

Недавно вопрос о состоянии книжной торговли в области обсуждался на бюро Пензенского обкома ВКП(б). Критика «Литературной газеты» была признана правильной и своевременной. Книжная торговля в области ведется неудовлетворительно. Много книг оседает на базах и не доходит до широких слоев трудящихся. Особенно плохо обстоит дело с продвижением книг в колхозы и села. Тт. Кузнецовой и Громову было указано на беспечное отношение к организации книжной торговли в области и предложено устранить замеченные недостатки в работе.

Управляющему областным отделением Когиза тов. Кузнецовой предложено к 15 сентября открыть книжные магазины в Лопатинском, Салтыковском, Голицынском и других районах, а райисполкомам и райкомам ВКП(б) — предоставить помещения для новых магазинов.

К работе по распространению литературы обкомом ВКП(б) рекомендовано привлечь широкие круги населения—старших школьников, учителей, комсомольцев. Обком предложил Когизу вести широкую пропаганду новых книг через местную печать и радиовещание.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Не имея возможности лично ответить всем почтившим меня своими приветствиями в день моего восьмидесятипятилетия, прошу через Вашу газету выразить мою искреннюю и сердечную благодарность всем московским и ленинградским культурно-просветительным и литературным организациям и отдельным лицам, приславшим мне поздравления и приветствия к этому дню. Глубоко тронута оказанным мне вниманием. Заверяю всех, что буду продолжать свою любимую работу по сохранению для народа памяти моего брата Антона Павловича Чехова.

Мария ЧЕХОВА

ЯЛТА

МАССОВАЯ СЕЛЕКЦИЯ

«Двинуть селекцию в массы, — писал И. В. Мичурин. — Современные темпы во всех областях общественной и экономической жизни кладут конец замкнутой, узкой кабинетной или любительской селекции. Селекция должна пойти на широкие поля совхозов и колхозов, должна быть массовой».

Эти слова великого русского ученого напомнил в начале сентября на республиканском совещании работников биологических, сельскохозяйственных, медицинских наук Украины лауреат Сталинской премии академик И. Д. Колесник. Он говорил о необходимости уже в нынешнем году привлечь широкие слои народа к отбору лучших, высокопродуктивных растений. А через два часа после выступления академика один из жителей Киева принес в зал невиданный двухметровый куст кукурузы с шестью крупными кочанами. Это растение выросло на его индивидуальном огороде.

Народ с энтузиазмом откликнулся на призыв деятелей мичуринской науки. Ныне сотни тысяч передовиков-колхозников, звеньевых, бригадиров, агрономов, учителей, школьников, комсомольцев создают массовую селекцию.

На полях Дымерского района Киевской области, получившего в нынешнем году наивысший урожай гречихи, отобраны экземпляры этого растения с 400—500 зернами. Растения-богатыри находят колхозники, просматривая плантации сахарной свеклы, посевы подсолнечника. Десятки кустов кукурузы с 5—6 крупными кочанами найдены колхозниками-мичуринцами Черкасского района.

Семена таких лучших растений отбираются ныне для посева во всех колхозах и совхозах Украины. Наряду с этим несколько растений наивысшей продуктивности будут посланы каждым колхозом или совхозом в район; оттуда лучшие образцы будут отправлены в область, а из областей — в республиканский центр.

Таким образом, в Киеве будут собраны растения с наивысшим «потолком» урожайности. Здесь будет сосредоточена квинтэссенция всего лучшего, что выращено на украинских полях. В 1949 году на опытных полях республиканского центра семена этих богатырей-растений, полученных в различных условиях воспитания, будут высеяны для переопыления в пределах одного сорта. Они дадут ценнейший посевной материал

То, что происходит сегодня на Украине, и есть подлинно массовая, народная селекция, за которую ратовал И. В. Мичурин.

За образцовую книготорговлю

КНИГА—ПОЧТОЙ

Ежедневно на московский почтамт приходят сотни писем с коротким адресом: «Москва. «Книга—почтой».

Пишут люди различных профессий из самых отдаленных районов страны: учительница из Анадыря на Чукотке, школьники села Амга Якутской АССР, рыбаки бухты «Терпение» на Южном Сахалине, рабочий станции Бурея Амурской железной дороги.

И все просят об одном: пришлите книги!

«Дорогие товарищи! — пишет молодой агроном Т. Скорых из села Отрадное, Иссык-Кульской области, Киргизской ССР. — Нет предела той радости, которую я испытала, получив от вас книги. Они мне очень нужны: я — молодой специалист, работаю первый год, часто приходится обращаться к книге, а ее здесь, в самом отдаленном уголке Киргизии — Иссык-Куле, нет. Теперь я и мои товарищи имеем ценные пособия, которые помогут нам в работе».

Обеспечить книгой жителей отдаленных районов страны и особенно тех районов, где пока еще нет книжных магазинов, — почетная и благородная задача Когиза. Выполнить эту задачу должен был бы в Центральном управлении Когиза отдел «Книга—почтой». Но такого отдела в Когизе нет; доставкой книг по почте занимается московское отделение Когиза.

Могиз пока не в состоянии наладить эту работу. Из-за отсутствия собственного помещения и книжных фондов отдел «Книга—почтой» при Могизе вынужден передоверять исполнение заказов специализированным книжным магазинам. Это приводит к распылению заказов и создает дополнительные трудности для экспедиции и заказчиков.

Получается, что житель далекого Нарыкола, затерявшегося в отрогах Заилийских Ала-Тау, пославший один заказ на медицинские, технические и политические книги, получает не одну, а несколько посылок. В результате затрачиваются лишние упаковочные средства (бумага, фанера, шпагат), загружается транспорт, а читатель вынужден платить лишние деньги.

В 1947 году отделу «Книга—почтой» Могиза и специализированным магазинам было прислано 80.900 писем-заказов, — выполнено всего 43.885. За первое полугодие 1948 года получено 64.894 письма, — выполнено 41.190 заказов. Таким образом, выполняется немногим более половины заказов. Многие заказы не выполнены потому, что отдел «Книга—почтой» Могиза имеет в специализированных магазинах и на своих складах ограниченный ассортимент. Книгу, распроданную московскими магазинами, заказчик получить не может, даже если она есть на центральных складах Когиза. Совершенно не выполняются заказы на художественную и детскую литературу, учебники для вузов, социально-экономическую литературу, издания Госполитиздата и Издательства иностранной литературы, так как Когиз не выделяет по этим разделам специальных фондов для «Книги—почтой».

Справедливо негодование нашего читателя, счетовода колхоза «Трактор» (Павловский р-н, Горьковской обл.) тов. Малыгина, который не может получить через «Книгу—почтой» такие книги, как «Счастье» П. Павленко, «Бурю» И. Эренбурга, «Белую березу» М. Бубеннова, «Кружилиху» В. Пановой и другие произведения лучших советских писателей.

Советский гражданин, живущий в любом районе страны, должен иметь возможность приобрести необходимые книги. Правильно пишет нам читатель «Литературной газеты» тов. Шейнин (поселок Кожва, Коми АССР):

«Основная масса книг до сих пор попадает в большие города, где есть богатая сеть библиотек, музеи, клубы, лектории. Все эти блага невозможно иметь в отдаленных поселках, и надо создать для живущих там преимущественные условия приобретения литературы через «Книгу—почтой».

Директор Когиза тов. Ширяев должен незамедлительно пересмотреть практику работы отдела «Книга—почтой». Необходимо **создать отдел «Книга—почтой» при Центральном управлении Когиза,** через который проходили бы все заказы на литературу.

Когиз обязан выделить отделу «Книга—почтой» специальные фонды всей выходящей литературы и предоставить ему право для выполнения заказов читателей закупать литературу по букинистическим магазинам, а также получать книги областных издательств.

Работники Когиза должны помнить, что книгу ждут не только в Москве, Ленинграде, Киеве, Горьком и других крупных городах Советского Союза. С еще большим нетерпением ее ждут в тысячах маленьких городков и населенных пунктов, разбросанных на необ'ятных просторах нашей Родины.

И дело чести работников Когиза добиться, чтобы адрес—«Москва. «Книга—почтой» — стал широко известен в самых далеких уголках Советской страны, чтобы любой заказ, присланный по этому адресу, был выполнен, чтобы многие тысячи читателей благодарили книжников за помощь, заботу, внимание.

С. ДМИТРИЕВ

В. ЕРМИЛОВ

За боевую теорию литературы!

3. ПРОТИВ „РОМАНТИЧЕСКОЙ" ПУТАНИЦЫ

Вместо того, чтобы рассказать писателям и читателям о том, как ему удалось в романе «Молодая гвардия» раскрыть героическую романтику нашей действительности, тов. А. Фадеев подменил вопрос о романтике и поэзии нашей жизни вопросом о романтизме в мировой литературе XIX века и о его соотношении с реализмом. Руководствуясь скорее суб'ективными эмоционально-художническими, чем теоретическими критериями, тов. А. Фадеев и сконструировал в статье «Задачи литературной теории и критики» свое определение социалистического реализма. Исходным пунктом этого определения является не наша социалистическая действительность и ее поэтические законы, а «синтез», «слияние» абстрактного реализма и абстрактного «прогрессивного романтизма», стремившихся к слиянию, а то и «почти» сливавшихся в прошлом и, наконец, «полностью» слившихся в социалистическом реализме. Тов. А. Фадеев поставил знак равенства между реализмом и критикой действительности, романтизмом и утверждением.

Марк Твен, по мнению тов. А. Фадеева, — реалист, потому что он правдиво критикует действительность. В то же время он — романтик, потому что дополняет свое правдивое, т. е. отрицательное изображение действительности положительным идеалом. Это свое представление тов. А. Фадеев последовательно применяет по отношению почти ко всем большим писателям XIX века; они — реалисты, потому что критикуют действительность, и романтики, потому что утверждают «положительные идеалы».

«Лев Толстой, — пишет тов. А. Фадеев, — известен как беспощадный реалист, срыватель всех и всяческих масок. Но Толстой, величайший писатель России, дал целую галлерею положительных образов, начиная с образов «Войны и мира». Это благодарная задача — показать, насколько беспощадный реалист Толстой был в то же время «романтичен». Вспомните повесть «Хаджи Мурат»! Такое разоблачительное по отношению к царскому строю произведение, как «Воскресение», является одновременно и самым «романтическим» его произведением. Почти все, что происходит в «Воскресении», это почти неправдоподобно, но силою толстовского гения даже Нехлюдов выступает перед читателем как «герой». А Катюша Маслова становится носителем высоких нравственных начал» (сборник «Проблемы социалистического реализма», «Советский писатель», 1948, стр. 20).

Как видим, для тов. А. Фадеева реализм — это только отрицание, только «срывание всех и всяческих масок». При таком представлении о реализме и в самом деле требуется другое начало — романтизм, которое противопоставляет отрицаемой действительности положительный идеал, — хотя бы за счет «неправдоподобия». Но это — куцое, ограниченное, неверное представление и о реализме, и о романтизме. Тов. А. Фадеев отрывает тот «прогрессивный романтизм», о котором он говорит, от реальности. Это особенно ясно видно на примере его рассуждения о «Воскресении» Л. Толстого, которое он считает произведением «романтическим», т. е. «почти неправдоподобным». А, между тем, это произведение, разумеется, вполне правдиво, все, изображенное в нем, глубоко характерно, и Нехлюдов вовсе не выступает перед читателем как «герой»; если он и выглядел «героем», то разве только в глазах каких-нибудь дворянских читателей романа, которые никогда не искупили бы своей вины так, как это сделал Нехлюдов. А в глазах народного читателя Нехлюдов остается довольно жалким барином, совершившим мерзкий, характерный для господ поступок и пытающимся успокоить свою совесть. И Толстой отнюдь не идеализирует, не «романтизирует» Нехлюдова, не стремится превратить его в романтического «героя», как представляет дело тов. А. Фадеев. Ведь это означало бы самодовольство, ограниченное, филистерское любование добродетельным барином, «искупающим» свой грешок! Но в том-то, в числе прочего, и заключается духовное величие, моральная непримиримость Толстого в «Воскресении», что вина Нехлюдова ничем не может быть искуплена, и пусть люди простят, — ему, Нехлюдову, суждено мучиться до конца, суждено выглядеть жалким перед Катюшей, перед всеми людьми из народа, перед самим собой. Какой уж это «герой»! Кажется очень странным, что А. Фадеев, столь тонкий и глубокий знаток Л. Толстого, мог допустить такую явную психологическую, художественную и идейную ошибку. Но таковы последствия увлечения ложной, непродуманной схемой.

Тов. А. Фадеев не замечает, что, всюду старательно выискивая романтизм, он лишает это понятие всякого содержания, растворяя его в искусстве вообще, отождествляя с особенностями искусства, как такового.

«Бальзак сам сознавал эту (романтическую. — **В. Е.**) особенность своего творчества. «...Это мы создаем настоящую действительность, — писал он, возражая против эмпирического, ползучего реализма. — Она подобна вот этой чудесной груше Монтрейля, которую с бесконечным трудом выращивают в течение ста лет. Та действительность, о которой говорите вы, подобна горькому плоду лесной груши, который ни на что не годен. Настоящую действительность, действительность в искусстве, надо выращивать, как грушу Монтрейля».

Наличие передового романтического начала в реализме Бальзака дало необычайную силу его реализму» (там же, стр. 13—14).

Замечание Бальзака о «груше Монтрейля», по мнению тов. А. Фадеева, свидетельствует о романтизме Бальзака. Но Бальзак в этих словах характеризует сущность искусства, вне какой бы то ни было зависимости от того или другого стиля; искусство дает образ действительности, очищенной от всего эмпирически-случайного, воссоздает в единичном, особенном, данном явлении общие закономерности жизни. Если же видеть в этом замечании Бальзака романтическую программу, противопоставленную реализму, и соглашаться с ней, то мы неизбежно придем к представлению о том, что искусство должно конструировать какую-то свою особую, искусственную, «почти неправдоподобную» — романтическую действительность, стоящую над реальностью. К тому же, представление о существовании какого-то «эмпирического», «ползучего» реализма стирает все грани между реализмом и натурализмом. Именно на этом недоверии к реализму и основано то искажение мысли Энгельса о Бальзаке, которое так неприятно изумляет читателя в статьях тт. Бялика и Мотылевой. Энгельс считал великой победой реализма в творчестве Бальзака тот факт, что Бальзак, вопреки своим реакционным взглядам, сумел увидеть, будучи верен реализму, людей будущего в суб'ективно враждебном ему лагере республиканцев. А тт. Бялик и Мотылева, приписывая Энгельсу свои собственные домыслы, уверяют, будто Энгельс видел в этом факте победу «революционного романтизма» в творчестве Бальзака! Превратить Бальзака в «революционного романтика» можно только в «романтическом», поистине совершенно «неправдоподобном» сновидении!

Тезис о том, что у Бальзака было революционное или прогрессивное «положительное романтическое начало», придававшее «необычайную силу его реализму», приводит к отрицанию значения мировоззрения для художника. Если художник может оказаться «революционным романтиком» при реакционном мировоззрении, то зачем же нужно бороться за прогрессивное мировоззрение писателя?

Одно дело—считать, вместе с Энгельсом, что реализм может торжествовать победу в творчестве писателя над его реакционными взглядами, вопреки этим взглядам; это значит, что сама жизнь, ее реальность порою побеждает реакционные предрассудки художника, если он верен жизни. И совсем другое дело — допускать «революционно-романтическое» начало у писателя с реакционными убеждениями; это значит, что «революционно-романтическое начало» в творчестве такого писателя появляется неизвестно откуда, из глубин его «духа» (или из его реакционных убеждений?), как некая потусторонняя метафизическая сущность. Оказывается, не верность художника реальной, об'ективной действительности, а именно это таинственное «романтическое начало», спускаясь сверху на творчество писателя, «придает его реализму необычайную силу» (поистине необычайную! Мы бы даже сказали—сверх'естественную). Еще и еще раз нашим товарищам необходимо вспомнить о том, что наша эстетика, как и литература, «обеими ногами стоит на твердой материалистической основе» (А. А. Жданов; подчеркнуто мною.—**В. Е.**).

Усматривая в творчестве почти всех больших писателей XIX века (кроме Флобера) наличие в той или другой мере «синтеза» реализма с «прогрессивным романтизмом», тов. Фадеев не видит, что он приходит к самой настоящей теории единого «сплошного потока» литературного движения, в котором тонут все классовые и идейные различия.

«Нельзя не поражаться, — говорит Фадеев, — необыкновенной мощи народных движений в России, когда вскоре за Пушкиным, за Лермонтовым начали чувствоваться в литературе подземные толчки революционно-демократического движения, крестьянской революции, которая окрасила собою творчество всех крупных русских писателей XIX века» (там же, стр. 19).

По мнению тов. А. Фадеева, все большие русские писатели сочетают в своем творчестве реализм и романтизм, потому что творчество каждого из них «окрашено» революционно-демократическим движением. Правда, «некоторые» из них «не понимают того, что происходит», но все они «окрашены» или помазаны одним «миром». Достоевский был крупным русским писателем XIX века, но он был яростным, смертельным врагом революционно-демократического движения, крестьянской революции. Каким же образом она его, так сказать, «окрасила»? Тургенев склонялся к дворянскому либерализму, резко разошелся с лагерем крестьянской революции. Некрасов был представителем этого лагеря, мечтал о том, чтобы грянула буря. Его творчество, действительно, было окрашено крестьянской революцией. Как же можно красить всех писателей в один цвет?

В этой «сплошной» постановке вопроса пропадает главное: традиции действительного революционно-демократического направления русской литературы, которые были особо выделены и подчеркнуты в блестящем докладе товарища А. А. Жданова, как наиболее близкие советской литературе.

Разобранные нами представления о реализме и романтизме, неверные и по отношению к литературе прошлого, становятся вдвойне, втройне неверными, когда они переносятся в область социалистического реализма. Для тов. Фадеева «социалистический реализм представляет собой полный органический синтез реализма с революционной романтикой» (там же, стр. 33). В социалистическом реализме «революционно-романтическое начало немыслимо без критического начала по отношению ко всему отсталому, косному» (там же, стр. 10). Таким образом, реалистическое начало в социалистическом реализме (вообще, очень странно говорить о «реалистическом начале» в ...реализме! Это все равно, что говорить о летнем начале в лете, о жарком начале в явлении жары, о холодном начале в явлении холода и т. п.)— итак, реалистическое начало в социалистическом реализме, по мнению тов. Фадеева, является лишь критикой всего отрицательного, отсталого, косного в нашей действительности. Что же это за реализм, если он не видит в нашей реальной действительности ничего положительного? — А на это есть романтизм! — отвечает тов. А. Фадеев. Обкарнав, урезав, «сократив» на прокрустовом ложе своей схемы реализм, А. Фадеев сочетает эту свою изуродованную жертву с романтизмом, который тоже основательно урезан и обеднен, потому что, являясь не составной частью, не функцией социалистического реализма, а неким самоценным «началом», он тем самым отрывается от реальности, от земли, от живой социалистической действительности. И вот от сочетания двух столь искусственных абстракцией немощных «начал» тов. Фадеев хочет получить здоровый социалистический реализм! Хотя он и уподобляет литературу мичуринскому яблоку, — Мичурин вряд ли стал бы скрещивать столь худосочных родителей в надежде получить от них здоровое потомство.

Мы видим, что тов. А. Фадеев и теоретики, развивающие его мысли, в сущности, превозносят романтизм над реализмом. В самом деле, критика всего отрицательного, косного, отсталого есть, разумеется, весьма важная задача, но ведь она ведется нами во имя утверждения, а не в качестве самоцели. А так как, по схеме тов. Фадеева, область утверждения относится к романтизму, то ведущая, определяющая роль отводится именно романтизму. Товарищи, разделяющие эту точку зрения, должны были, — если бы они хотели, употребляя их любимое выражение, быть «полностью», или «до конца» последовательными, — переименовать социалистический реализм в социалистический романтизм! Сомнительно только, чтобы такой романтизм оказался па поверку социалистическим...

Оперируя абстрактным понятием «прогрессивного романтизма», наши товарищи об'ективно способствуют ориентировке советских литераторов на создание произведений, оторванных от реальной романтики нашей жизни. Они склонны отождествлять романтизм с «неправдоподобием», в то время как революционная романтика советской литературы представляет собою, как подчеркивает товарищ А. А. Жданов, выражение реальной романтики самой нашей социалистической действительности.

В литературе еще сказываются тенденции к ложной романтике, к продолжению в наших новых советских исторических условиях старой традиции противопоставления поэзии и поэта — «грубой прозе» жизни. Вера Инбер хорошо писала на страницах «Литературной газеты» о поэте Л. Мартынове, который «кутается в романтический плащ бунтаря-одиночки. Он не понимает, что одеяние это безнадежно обветшало. Защищая в свое время разгоряченного обидами французского романтика от холода буржуазного общества, одеяние это превратилось у нас в смехотворную хламиду». А ведь когда-то это было тоже своего рода «прогрессивным романтизмом», формой протеста против буржуазной пошлости!

Весьма обидно за нашу действительность, что ее реально существующая, сегодняшняя, осязаемая, живая романтика исключается теоретиками «нового романтизма» из реальности сегодняшнего дня и относится ими к области лишь «романтического будущего»! Б. Бялик пишет:

«То, что составляло две задачи для писателей прошлого, — реалистическую задачу изображать человека таким, каков он есть, и романтическую задачу изображать его таким, каким он может и должен быть, — превратилось в искусстве социалистического реализма в одну задачу, ибо это искусство имеет право показывать, как типическое, то, что еще непрочно сегодня, но обязательно станет прочным завтра» («Октябрь», № 11, 1947, стр. 189).

А. Фадеев нарисовал в образах своих молодогвардейцев советского молодого человека одновременно, каков он есть и каким он должен быть. Значит ли это, что Фадеев «показал, как типическое, то, что еще непрочно сегодня, но обязательно станет прочным завтра»? Нет! В том-то и заключается ценность романа А. Фадеева, что в нем воплощена наша реальная молодежь, что молодогвардейцы, при всем исключительном величии их подвига, типичны и характерны для нашей героической молодежи, воспитанной партией Ленина—Сталина. Их духовное величие вовсе не является только «непрочным ростком будущего»! Это — наше прочное настоящее, наша сегодняшняя слава и гордость.

Так еще раз сказывается у тов. Бялика недоверие и к реализму, и к самой нашей действительности.

Ошибку тов. А. Фадеева в изображении образов большевиков, допущенную им в романе «Молодая гвардия», Бялик об'ясняет тем, что Фадеев «недостаточно романтизировал» этих своих героев. Между тем Фадеев совершил ошибку как раз противоположного характера: ошибку против своего художественного метода — социалистического реализма. Он нарисовал Валько и Шульгу не-реалистически, согрешив против одного из главнейших требований социалистического реализма: изображать людей в их социальном действии, в борьбе. Ленин писал Горькому: «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как ...внешне». Фадеев оторвал изображенных им большевиков, Шульгу и Валько, от их партийного дела, представил читателю только их разговоры друг с другом да ошибки и провалы. Он совершил отступление от правды жизни, показав большевиков неопытными, неумелыми руководителями, неверно, нежизненно нарисовав их взаимоотношения с комсомольской молодежью. Поэтому-то в изображении большевиков тов. А. Фадееву и не удалось выразить реальную героическую романтику нашей жизни, партийной работы и борьбы. Писатель пошел в этом случае по линии ложного, оторванного от реальности романтизма, проявившегося не в действии, а лишь в разговорах героев. Он как раз всячески стремился «романтизировать» Шульгу и Валько, — и в этих разговорах, и в сцене трагически бесплодного бунта в немецкой тюрьме, и в других моментах, — но такой романтизм, оторванный от социального дела героев, оторванный от социалистического реализма, бесплоден, он может привести только к искажению правды жизни. А Бялик сожалеет о том, что тов. А. Фадеев «недостаточно» углубился в этот ложный романтизм!

Статья тов. Фадеева «Задачи литературной теории и критики» была напечатана в разных журналах и сборниках, в том числе и в сборнике «Проблемы социалистического реализма». В этом же сборнике была напечатана и статья тов. Б. Бялика «Горький и социалистический реализм», содержащая характерные для «романтических» тенденций Бялика ошибки. Вместо того, чтобы подвергнуть критике неверные положения этих статей, редколлегия сборника, в состав которой входил и автор этих строк, удовлетворилась тем, что в предисловии к сборнику в общей форме оговаривалась спорность, «дискуссионность» ряда положений статей. Со стороны автора этих строк, таким образом, была проявлена идейно-теоретическая нерашливость, неумение быстро и во-время раскрыть читателю сущность ложных схем, искажающих определение социалистического реализма.

Так, за последние полтора года в нашей теории и критике наметилась своеобразная ложно-романтическая тенденция. Ее представители забывают о том, что любая новая историческая эпоха решает прежде всего свои, новые исторические задачи. При этом попутно она решает и те вопросы, которые не могли найти решения в предшествующей эпохе. Не определять особенность эпохи, исходя из того, как она решила старые, не решенные в прошлом задачи, — значит отрицать новизну эпохи, ее культуры, науки, искусства. А наши товарищи в своем определении социалистического реализма кладут в основу именно вопрос о том, как решается в нем старая, не решенная в прошлом, задача сочетания реализма с романтизмом.

«Автор изображает историю философии, — говорил товарищ А. А. Жданов о книге Г. Александрова, — и ход развития философских идей и систем как плавный эволюционный ход развития путем нарастания количественных изменений...

...Автор на стр. 475 говорит, что философские теории, созданные до Маркса—Энгельса, хотя и содержали подчас великие открытия, но все же не были до конца последовательными и научными во всех своих выводах. Такое определение отличает марксизм от домарксистских философских систем лишь как учение, до конца последовательное и научное во всех своих выводах. Стало быть, отличие марксизма от домарксистских философских учений состоит лишь в том, что эти философии были не до конца последовательными»... («Вопросы философии», № 1, 1947, стр. 257).

С точки зрения литературных теоретиков, взгляды которых мы рассмотрели, писатели прошлого были лишь «не до конца последовательны» в сочетании реализма с романтизмом.

Всякая путаница противоречива, — на то она и путаница! С одной стороны, самое понятие реализма сводится нашими теоретиками только к отрицанию, критике действительности; а, с другой стороны, они забывают, что реализм литературы прошлого и в самом деле был по преимуществу критическим реализмом, и идеализируют, «романтизируют» его, наделяя его почти всеми свойствами социалистического реализма, усматривая в творчестве чуть ли не всех крупных писателей прошлого «сочетание реализма с революционным романтизмом»!

Вопрос об исторической новизне, особом качестве социалистического реализма имеет очень серьезное значение для творческой практики нашей литературы. Секретарь ЦК КП(б) Азербайджана тов. Г. Гасанов в статье «Создавать высокоидейные художественные произведения» («Правда» № 254, 10 сентября 1948 г.) указывает, как на одну из важнейших причин оторванности ряда азербайджанских писателей от современности, недостатков и ошибок в их произведениях,— на тот факт, что многие писатели «все еще слабо владеют методом социалистического реализма, недостаточно уяснили себе его коренное отличие от критического реализма прошлого, плохо разбираются в вопросах большевистской партийности советской литературы». Различные концепции, стирающие грани между социалистическим реализмом и литературными направлениями прошлого, способствуют непониманию значения принципа партийности, как коренного принципа социалистической эстетики; эти концепции могут лишь усиливать явления отрыва литературы от современности. Мы свято чтим все лучшие традиции литературы прошлого, без продолжения и развития которых не могла бы существовать и развиваться наша советская литература, но мы помним о том, что продолжать и развивать эти традиции можно только на основе идейно-художественного новаторства нашей литературы.

В числе ведущих положений нашей эстетики должно быть положение о поэзии и романтике нашей реальной социалистической действительности. Мы должны исходить здесь из указаний партии, из руководящих партийных документов, к числу которых относятся речь товарища А. А. Жданова на Всесоюзном с'езде писателей и его доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», а также из традиций нашей великой русской революционно-демократической эстетики, разработанных Белинским, Чернышевским, Добролюбовым. Они боролись за такое реалистическое искусство, которое враждебно каким бы то ни было, в том числе тончайшим формам ухода от современности. Знаменитый тезис Чернышевского: **прекрасное есть жизнь,** — расшифровывается для нас в наше время, как положение о том, что прекрасное — это наша социалистическая действительность, наше победоносное движение к коммунизму. Мы вернемся к этим вопросам.

Великая любовь народа

Все возрастает поток откликов на смерть Андрея Александровича Жданова. Новые свидетельства глубокой всенародной скорби поступают из разных городов и сел страны.

Дань любви и уважения отдает народ своему великому сыну в бесчисленных корреспонденциях, написанных взрослыми и детьми. Сила волнения, вызванного в сердцах трудящихся вестью о тяжелой утрате, находит различные формы своего выражения.

Одна из этих форм — стихи читателей. Большое количество стихов, посвященных товарищу Жданову, поступило в редакцию «Литературной газеты». Авторы их — не профессионалы-поэты. Многие из них слабо знакомы или вовсе не знакомы с правилами стихосложения. Они и не претендуют на то, чтобы быть напечатанными. Рабочие и колхозники, студенты и служащие стремятся лишь донести свои голоса до столицы, стремятся поделиться своими переживаниями с деятелями культуры, с профессиональными работниками советской литературы.

В большинстве писем излагается скромная просьба: проверить стихи.

Тов. Винниченко из Одессы, т. Козуб из Кировограда, т. Тушинский из Симферополя, москвич т. Анохин, полтавчанин т. Пашко и другие, каждый по-своему воспевают товарища Жданова, как великого труженика культуры.

Дмитрию Шевнину из гор. Кирова более, чем другим, удается в отдельных строках передать эту мысль:

И когда над Кремлем загорелися звезды,
И спускалась на землю безмолвная ночь,—
Замечательный труд он для Родины создал,
Лучшим творческим силам решил он помочь.

Бесхитростная искренность делает эти строки впечатляющими, несмотря на их недостаточную поэтическую слаженность.

С такою же любовью звучат строки о товарище Жданове, как о верном друге и помощнике великого Сталина, в стихотворных размышлениях москвича т. Панфилова, ленинградца т. Шергина, т. Скворцова с Поволжья, т. Ильенко из Брянской области и др. Их произведения — не документы литературы. Это—документы сознания и чувства рядовых тружеников страны.

Кристально-чистый большевик
Ушел от нас навечно.
Он был в делах своих велик
И свой народ любил сердечно, —

пишет об А. А. Жданове т. А. Кузьминченко.

О любви украинских студентов к товарищу Жданову говорит днепропетровец Аркадий Бровко:

Мы в дом свой бережно портрет его вносили,
С благоговением смотрели на него.

Москвич т. Куканов описывает похороны товарища Жданова у Кремлевской стены, где покоится прах тех, «кто видел зерна коммунизма в делах сегодняшнего дня».

Тов. Р. Амусина, вторя этим словам, говорит от имени ленинградцев:

Мы тебя хоронили тоже,
Мы несли твой гроб на руках.

Тов. Гожанский из Сталинабада обращается к дочери Памира:

Над кибиткою повесь
Флаги с траурной каймою!

Дальше в этом стихотворении рисуются образы молдаванина и казаха, гуцула и курда, символизирующие единство скорби всей советской семьи народов и силу ее верности благородному делу Ленина — Сталина, которому посвятил свою жизнь товарищ Жданов.

Ты пиши письмо, узбек,
И отправь в ЦК в конверте:
Не скончался человек, —
Так как жизнь его—бессмертье!

О прекрасной жизни Андрея Александровича Жданова, о славном подвиге его во имя коммунизма слагает песни народ.

Александр ЖАРОВ

Продолжаем обсуждение

Как строить курс советской литературы

Дискуссия, начатая статьей тт. Дементьева и Наумова, продолжает привлекать внимание наших читателей. В ряде откликов содержатся практические замечания и предложения, которые выходят за рамки вопросов, непосредственно касающихся построения курса, и направленные на дальнейшее улучшение всего дела преподавания и пропаганды советской литературы. Несколько таких писем мы сегодня публикуем в нашей газете.

О ШКОЛЬНЫХ КРУЖКАХ

Можно только приветствовать мероприятия Министерства просвещения по увеличению времени, отводимого для изучения советской литературы в школе. Но любознательность и жажду знаний наших ребят не может целиком удовлетворить изучение советской литературы в классе, в строгих рамках учебного плана.

В некоторых средних школах существуют литературные кружки, на которых обсуждаются лучшие книги советских писателей, в интересной и живой форме делаются доклады и сообщения на разнообразные литературные темы. Работой их обыкновенно руководит педагог. Занятия в таких кружках играют огромную роль в воспитании у школьников художественного вкуса, любви к советской литературе, не говоря уже об обогащении их общей культуры.

Уже давно настала пора ввести практику организации подобных кружков во все наши школы. Обязанность органов народного образования — поощрить инициативу десятков и сотен энтузиастов советской литературы. Учитывая большую загруженность преподавателей средней школы, возглавить литературные кружки могли бы студенты педагогических институтов и филологических факультетов университетов. Это было бы не только интересной формой общественной и комсомольской работы, но и чрезвычайно полезной практической школой для будущих преподавателей литературы. Кроме того, кружки друзей советской литературы, руководимые студентами, позволили бы наладить прочную и постоянную связь средней и высшей школы. До сих пор педагогическая практика студентов-филологов ограничивается несколькими случайными посещениями уроков по литературе и языку.

Генерал-майор
А. ПЕТУХОВСКИЙ

ПОРОКИ УЧЕБНИКА

Учащиеся десятых классов нерусских школ изучают советскую литературу по учебнику-хрестоматии, составленному Кудряшевым Н. И., Литвиновым В. В., Реформатской Н. В., Рыбниковой М. А., Трифоновым Н. А.

В этом учебном пособии имеется ряд принципиальных ошибок. Идейная грань, отделяющая русскую классическую литературу и литературу советскую, совершенно стерта. Новаторская сущность искусства социалистической эпохи сводится к «поднятию на более высокую ступень метода критического реализма». Не раскрыто и мировое значение советской литературы. В главе о А. М. Горьком не показана роль Ленина и Сталина, большевистской партии в формировании мировоззрения великого пролетарского писателя. Предельно упрощается творческий путь Брюсова и Блока. Составители книги всячески преувеличивают революционные элементы в их произведениях, влияния же символизма на их деятельность, наоборот, замалчиваются.

Учебник пестрит и фактическими ошибками, иногда доходящими до курьезов. Окончание романа А. Толстого «Хмурое утро» отнесено к 1942 году, хоть всем памятна дата, поставленная писателем на последней странице, — 22 июня 1941 года. Лирическая песня М. Исаковского «И кто его знает...» зачислена в разряд «боевых маршей Отечественной войны».

Перефразируя известную русскую пословицу, поистине можно сказать: «Пятеро нянек, а дитя без глазу».

Министерство просвещения должно в кратчайший срок заменить эту негодную книгу новым полноценным учебным пособием.

Доцент Московского городского педагогического института
В. ЗАЛЕССКИЙ

ПОМОЧЬ МОЛОДЫМ АВТОРАМ

Прошло 22 года с момента опубликования статьи В. Маяковского «Как делать стихи?». Но и до сегодняшнего дня она остается почти единственным источником, из которого начинающий поэт может почерпнуть нужные и полезные для себя сведения.

В свое время выходила серия книжек крупнейших советских писателей, где они рассказывали о своей творческой лаборатории, о работе над содержанием и формой художественного произведения.

Сейчас эти издания в большинстве своем устарели. На протяжении долгих лет не вышло ни одной книги, в которой можно было бы найти ценные советы молодежи, впервые берущейся за перо, в которой наши писатели поделились бы с ней своим творческим опытом.

Литературные консультации имеются далеко не везде и не всегда удовлетворяют запросам начинающих авторов. Давно назрела необходимость в массовом и популярном издании материалов и пособий по вопросам работы над формой и стилем художественных произведений. Советские писатели должны помочь молодежи в ее первых шагах на литературном поприще.

Ученик средней школы № 3
Ю. КУРСКИЙ

БАЛТА

ЗАБЫТЫЙ ПАМЯТНИК

Недавно советская общественность отмечала 120 лет со дня рождения великого русского ученого, главы русской химической школы и создателя теории химического строения тел Александра Михайловича Бутлерова (1828—1886).

В стенах Казанского университета, питомцем которого был Бутлеров и где прошла почти половина его жизни, память о великом ученом свято чтится. В неприкосновенности находится его кабинет, хранятся, как драгоценности, приготовленные им химические препараты. Имя Бутлерова носит созданный при университете научно-исследовательский институт. С окончанием постройки нового здания института предполагается превратить старую химическую лабораторию, где работал А. М. Бутлеров, в химический музей его имени.

Но за стенами университета не уделяется должного внимания памяти главы русской химической школы. В Казани есть улица Бутлерова, однако на доме, где он жил, нет мемориальной доски. Могила Бутлерова, находящаяся в с. Бутлеровке, совершенно заброшена. Стоявшая над ней часовенка-памятник разрушена: нет окон, сорвана крыша.

Как это ни странно, ни местные организации, ни Казанский университет, ни научно-исследовательский институт не считают возможным выделить необходимые средства для того, чтобы привести в порядок могилу великого русского химика.

Лев ГУМИЛЕВСКИЙ

КАЗАНЬ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый товарищ редактор!

С возмущением мы узнали о преступных происках американской разведки, направленных против советских граждан, находящихся в США.

Прочитав в наших газетах корреспонденцию из Нью-Йорка «Разбойничьи нравы американской разведки», мы испытали чувства отвращения и гнева, подобные тем, которые мы испытали в 1941 году, когда узнали о варварском осквернении немецкими фашистами великой могилы Л. Н. Толстого.

От немецких фашистов, однако, никто не мог ожидать ничего иного. Но от людей, знавших Л. Н. Толстого, а тем более от его дочери А. Л. Толстой, мы вправе были ожидать более бережного отношения к его имени, вправе требовать, чтобы оно не связывалось с грязью, гниением и тленом. Впрочем, что можно требовать от человека, утратившего связи со своей родной страной, надругавшегося над священными для каждого русского воспоминаниями об имени великого писателя.

Мы категорически протестуем против использования имени Л. Н. Толстого так называемым «Толстовским фондом», который состоит из политических мертвецов, шпионов и убийц.

Кому из нас, советских людей, не оскорбительно читать имя Толстого в связи с грязной историей деятельности «Толстовского фонда», направленной против нашей великой Родины и к поддержке тех, кто еще вчера предательски помогал немецким захватчикам и сегодня готов служить любому врагу своего отечества?

Политические гангстеры реакционной Америки — Мундт, Эдгар Гувер, Томас и другие—пытаются прикрыть свои темные дела именем гениального русского писателя, великого патриота Льва Толстого. Что общего между Толстым и преступной деятельностью притона «Рид фарм»? Звериная ненависть к советскому народу заставила изменницу Родины А. Толстую, бежавшую из Советского Союза, прикрыться именем великого писателя. Отвратительна ее гнусная попытка использовать имя Толстого в интересах тех, против кого страстно и беспощадно выступал Толстой. Не этих ли бывших князей Белосельских, Белозерских, проходимцев Зензиновых, Вейнбаумов, бандитов Вонсяцких в свое время называл Толстой «паразитами жизни».

Лев Толстой жил и творил в те давно минувшие времена, когда господа из нынешних белогвардейских притонов составляли «порядок и власть» существовавшего тогда строя в России; с не допускающей никаких кривотолков ясностью Толстой высказался о своем отношении к ним: «Я — человек, отрицающий и осуждающий весь существующий порядок и власть и прямо заявляю об этом».

Своей страстной обличительной деятельностью он содействовал борьбе за новый, справедливый общественный строй! Проницательным взором гениального художника он ясно видел, что «народ не только не хочет покоряться, но хочет свободы». Исповедуя «закон непротивления злу насилием», Толстой в то же время признавал за народом право на героическую защиту своего отечества от нападения варваров. Американская реакция охотно приняла к себе в услужение тех, кто разжигает ненависть к советскому народу, кто, не гнушаясь предательством, оскверняет общественный строй, созданный волей всего советского народа.

Великий патриот Л. Н. Толстой учил нас любить и защищать свою страну. Тем, кто этого не понимает, лучше забыть его имя. Они не понимают и не поймут великих событий нашей эпохи, им не понять нас, русских людей, советских патриотов, любящих свою страну и отдающих ей все свои силы, им не понять и той борьбы за правду, справедливость и вечный мир на земле, к которому стремится все прогрессивное человечество.

Мы требуем немедленного прекращения существования в Америке организации, оскорбляющей великого Толстого, наш народ и всех демократов, любящих и ценящих Толстого. Имя организатора «Рид фарм» А. Толстой давно забыто советским народом. А. Толстая, предавшая память своего великого отца, известная своими мерзкими проступками против своих соотечественников, пребывающая уже более пятнадцати лет в лагере злейших врагов Советского Союза, не заслуживала бы особого внимания, если бы ее не поддерживали силы американской реакции. Более того, американские поджигатели войны вытащили на свет божий белогвардейских мертвецов и пытаются кого-то запугать этими политическими трупами. Но народы мира, в особенности советский народ, теперь уже трудно обмануть или запугать. Наш великий народ уже давно выбросил за борт, предал забвению те ничтожные существа, которые об'единяются в «Толстовском фонде», гнездятся в притоне «Рид фарм» и все еще смеют называть себя русскими.

Тот, кому дорог Толстой, не может не любить свой народ, не может предать своего отечества. В нашей стране наследие Толстого охраняется всем советским народом.

За годы советской власти в нашей стране распродано 27.558 тысяч экземпляров произведений Толстого на русском языке и на 59 языках народов Советского Союза, причем часть из этих языков до революции не имела письменности. Одновременно издается первое полное академическое собрание сочинений Толстого, которое составит 96 томов. Оно печатается по специальному постановлению Советского правительства. Издание печатается по рукописям Толстого, над которыми работает ряд крупных ученых.

В Советском Союзе создано пять музеев, посвященных Толстому. В них хранится миллион (1.000.000) предметов, связанных с жизнью и творчеством великого русского писателя, — его рукописи, книги, портреты, иллюстрации к его произведениям, подлинные предметы, принадлежащие Толстому и его семье. По специальному постановлению Советского правительства за подписью В. М. Молотова эти музеи находятся в ведении Академии наук СССР, и в них ведется углубленная научная работа по изучению творчества и биографии писателя, по хранению и собиранию всего, что связано с Толстым.

В Москве — два музея Толстого. Один из них — Дом Толстого с усадьбой, надворными постройками и большим садом. Здесь Толстой прожил двадцать лет и написал около 90 произведений. Вся обстановка дома, принадлежавшая писателю и его семье, сохраняется неприкосновенно. Ленин лично посещал этот дом и заботился о создании здесь национального музея, в котором все должно быть сохранено так, как это было при жизни Толстого.

В другом здании размещен Центральный толстовский музей; экспозиции музея последовательно освещают этапы жизни и творчества Толстого. Этот музей был сильно разрушен фашистской бомбой, но Советское правительство его восстановило в 1943 году, еще до окончания войны.

Ясная Поляна, находившаяся в немецкой оккупации, тяжело пострадавшая, восстановлена. Открыты оба яснополянских музея: дом, в котором жил Толстой, полусожженный немецкими фашистами, теперь уже принял прежний жилой вид, такой, каким он был в последний год жизни Толстого. Ясная Поляна—это заповедник, который на площади в 400 гектаров поддерживается в том виде, в котором он был при Толстом.

Пятый музей Толстого — на станции Астапово. Там неприкосновенна комната, в которой умер Толстой, а весь дом начальника станции превращен в литературный музей Толстого.

Десятки тысяч людей со всех концов Советского Союза ежегодно посещают толстовские музеи, эти священные для всех советских людей места.

Мы презираем и проклинаем тех, кто пытается именем великого русского писателя и патриота прикрыть свои грязные, шпионские, человеконенавистнические дела, направленные против мира, прогресса и свободы.

Мы призываем всех честных людей мира вместе с нами осудить и заклеймить позором грязный притон Александры Толстой, опозорившей имя своего великого отца.

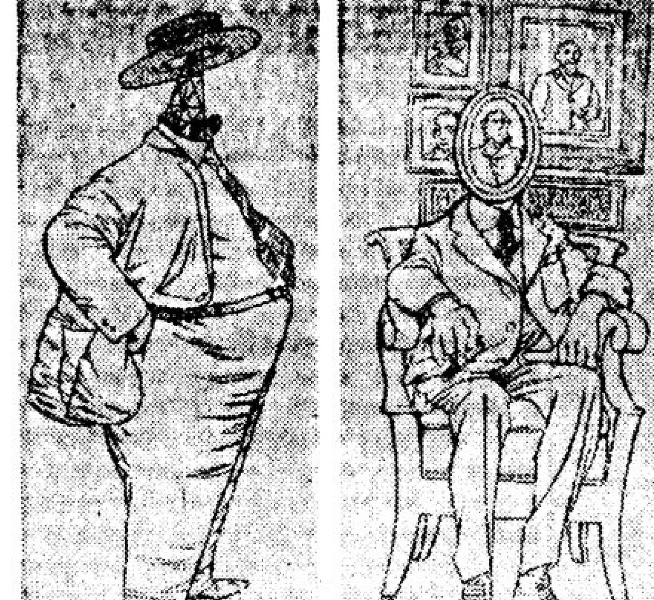
Имя Льва Толстого не может стоять рядом с именами фашистских подонков, американских гангстеров, линчевателей негров, убийц, душителей демократии, врагов свободолюбивых народов.

Директор Государственного музея Л. Н. Толстого Академии наук СССР внучка писателя
Софья ТОЛСТАЯ

Внуки Л. Н. Толстого:
Илья Ильич ТОЛСТОЙ,
Владимир Ильич ТОЛСТОЙ.

Правнуки Л. Н. Толстого:
Никита Ильич ТОЛСТОЙ,
Олег Владимирович ТОЛСТОЙ и
Илья Владимирович ТОЛСТОЙ

УОЛЛ-СТРИТ В ЛИЦАХ



В июльском номере американского журнала «Форчун» помещена серия рисунков под общим названием «Костюм делового человека». Эти рисунки весьма тонко и точно раскрывают характеры господ и слуг Уолл-стрита. Вот эти господа: король нефти (1); юрист, который может придать законную форму любому жульническому бизнесу; он непоколебимо консервативен, его кредо, как пишет журнал «Форчун», — «мой дед был всегда прав» (2); спекулянты-биржевики (3); и, наконец, их верный слуга, представляющий исполнительную власть; судя по рисунку (4), голову ему с успехом заменяет телефонная трубка, соединяющая его с одним из этих господ.

Вот вам Америки владыки!
Они — стяжатели, плуты —
Не безголовы, но безлики,
Не бестелесны, но пусты.
В них нет всего, чем люди живы.
Их сердце с'ела, словно ржа,
Мечта о злате,
страсть наживы,
Насилья, гнета, грабежа.
Они срисованы с натуры.
На них ярчайший брошен свет.
Нарисовав карикатуры,
Художник создал их ПОРТРЕТ.

Сидят на самой вышке трона:
Хозяин нефти — общий босс;
Юрист, диктующий законы,
Чтоб тех давить, кто нищ и бос;
Биржевики, что ищут всюду
Стальной плацдарм военных баз,
Да автомат из Голливуда
Для оболваниванья масс.
Вся эта атомная клика
Сдавила горло всей страны.
Об'ята клика страстью дикой
Немедля вызвать взрыв войны,
Чтоб сжать в кулак все части света
И нагло грабить, брать и красть
Где им захочется...

А это —
их исполнительная власть!
И головы и личной воли
Его фигура лишена.
Что голова? Пустяк, — не боле!
Ему
для выполненья роли
Такая мелочь не нужна.
Как верный раб своих владык,
Он от нее давно отвык.

А. Б.

Баальбек—лагерь смерти

Г. ОСИПОВ

Баальбек—так называется огромный концентрационный лагерь в маленьком государстве Ливан, занимающем узкую полоску земли на восточном побережье Средиземного моря. Диву даешься, как быстро в этой крохотной арабской стране, с населением меньше полутора миллионов человек, только-только избавившейся от французского колониального ига и британской оккупации и получившей независимость в результате народно-освободительной борьбы 1945 года, появился концентрационный лагерь, созданный по образу и подобию страшных гитлеровских «фабрик смерти»!

Лагерь Баальбек—детище президента Ливана Бешара эль-Хури и так называемого «конституционного» правительства Риад Сольха. Он предназначен для заточения прогрессивных деятелей арабских стран и истинных патриотов Ливана, выступавших против несправедливой войны в Палестине, против превращения страны в британскую военную казарму и американскую черную биржу.

Погрязнув в палестинской авантюре и потерпев военное поражение в борьбе с армией государства Израиль, реакционные правители Ливана ищут выхода из политического тупика, в который они завели страну. Теперь они, следуя указаниям своих английских и американских советников, развернули дикую кампанию террора, травли и преследования демократических элементов.

Ныне Баальбек стал на арабском Востоке нарицательным именем, символом ужаса и фашистского изуверства, подобным Освенциму или Дахау.

Сюда брошены сотни патриотов со всех концов Ливана и из соседних стран—Сирии и Палестины. Это рабочие и профсоюзные лидеры, учителя, врачи, адвокаты, представители прогрессивных обществ и групп—лучшие сыны арабского народа, годами боровшиеся с иностранным господством и провозгласившие республику, которой сейчас, к несчастью, правит клика феодалов, продавшаяся английским и американским монополиям.

В Баальбеке томятся, подвергаясь пыткам и издевательствам, руководители ливанской и палестинской арабской коммунистических партий Фараджолл Хэллу и Эмиль Тома, лидер профсоюза типографских рабочих Бейрута Ханна Зарке и православный священник Антуан Малек, известный врач Самах Алам эль-Дин и адвокат Фарук Месрани, весь редакционный коллектив армянской демократической газеты «Аравод», руководители Антифашистской лиги и Общества культурной связи с Советским Союзом.

Заключенные в лагерь без суда и следствия, узники Баальбека об'явили голодовку. Эмиль Тома, Фараджолл Хэллу и двадцать четыре их товарища по лагерю уже в течение десяти дней не принимают пищи и отказываются от медицинской помощи, требуя суда или освобождения.

Террор тайной полиции Ливана, действующей по инструкциям начальника английской разведки на Ближнем Востоке генерала Клейтона чисто фашистскими методами, взбудоражил всю страну.

Ежедневно в адрес президента, парламента и правительства поступают сотни писем и телеграмм протеста из Бейрута, Триполи, Тира, Сайды и других городов. 500 жителей Триполи в коллективном обращении выражают возмущение фашистскими порядками в стране. 80 адвокатов Бейрута в послании к президенту требуют освобождения арестованных и прекращения полицейского произвола. Это же требование содержится в телеграмме жителей города Захле, опубликованной газетой «Телеграф». За опубликование этой телеграммы газета закрыта.

В свое время прогрессивные деятели Ближнего Востока надеялись на то, что после освобождения Ливана от французского мандата и эвакуации иностранных войск, осуществленной по решению Организации Об'единенных Наций при активном участии делегации СССР, в стране будет проводиться политика национального возрождения.

Однако оказавшиеся у власти Бешара эль-Хури, Риад Сольх, Камиль Шамун и другие ставленники феодальной реакции и иностранного капитала превратили Ливанскую республику во вторую Трансиорданию со всеми атрибутами диктаторского режима. Их авантюристическая антинациональная политика— это политика соглашения с англо-американским империализмом в ущерб интересам Ливана, политика распродажи богатств страны, разорения народа и удушения свобод.

Загнав в Баальбек всю «потенциальную оппозицию», диктаторы Ливана наспех провели фальсифицированные выборы в парламент и изменили конституцию, «узаконив» продление еще на шесть лет полномочий нынешнего президента, а вместе с ним и всей правящей верхушки.

В то время, как подлинные патриоты заживо похоронены в лагере смерти Баальбеке, по улицам ливанских городов и селений свободно расхаживают погромщики из банд известных гитлеровцев Антуана Сааде и Наима Табета. Эти фашисты, связанные родственными узами с членами ливанского правительства, перешли после войны на службу к английской и американской разведкам. Они открыто совершают политические убийства, терроризируют население, громят помещения демократических организаций. По заданиям своих заморских хозяев и при прямом попустительстве властей они готовят ликвидацию республики и включение Ливана в монархию трансиорданского короля Абдуллы, мечтающего о «великой Сирии» и антисоветском «ближневосточном блоке».

Фашизация страны идет быстрыми темпами,—быть может, господина ливанского президента вдохновляют на это морские прогулки на личной яхте Адольфа Гитлера, которую приобрел недавно с аукциона его друг и родственник бейрутский миллионер Арида и где они оба обычно принимают именитых гостей из Лондона и Вашингтона? Или же этому способствует любезная переписка и взаимный обмен высшими орденами с генералом Франко, лавры которого особенно ценит господин эль-Хуря?

В Бейруте недвусмысленно говорят, что ливанского президента вдохновляет и то, и другое, и в не меньшей степени английские инструкторы и американские нефтяные компании... Последние весьма заинтересованы в подавлении демократических сил на Ближнем Востоке.

ДВА ЭХО

Премьер-министром нового французского правительства стал радикал социалист Анри Кэй.

(Из газет).

1.

Когда в премьеры вылез Кэй,
Сказала Франция: ЛА-КЕЙ.

2.

Когда в премьеры вылез Кэй,
Промолвил Уолл-стрит: О-КЭЙ!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

ТО, ЧЕГО НЕ УДАЕТСЯ СКРЫТЬ

В отчете американской «Форейн полиси ассосиейшн» о положении в африканских колониях Англии указывается, что «все большее и большее число туземцев проявляет живой интерес к Советскому Союзу и что интерес этот возрастает по мере того, как туземцам удается получить хотя бы начальное образование».

Отчет был составлен д-ром Верноном Маккэй, посетившим Западную Африку. Как подчеркнуто в отчете, «туземцы особенно интересуются тем, как шло развитие отдельных районов Советского Союза; во Фритауне, столице Сиерра-Леоны, несколько редакторов газет заявили, что они разделяют советскую точку зрения на крупнейшие проблемы мировой политики и высказываются против позиции США».

Туземцы, умеющие читать, находятся под большим впечатлением того, что им известно о «быстрой индустриализации и полной ликвидации неграмотности в СССР, а также о совершенном отсутствии расовой дискриминации в Советском Союзе».

Б. РОЗАНОВ

Под знаком одичания

Если бы кто-нибудь задался целью изобразить историю капиталистического строя в порожденных им аферах и мошенничествах, то случай, о котором пойдет речь, несомненно, занял бы в таком «груде» достаточно видное место. Двадцатитрехлетний житель Берлина, некий Червинский, успевший за свою недолгую «деловую карьеру» побывать в нацистской партии, не так давно был провозглашен американской печатью самым изобретательным мошенником послевоенной Западной Европы. Образованная им жульническая «фирма» распространяла в качестве «товара»... слезливые и душещипательные письма с призывами о помощи.

В этих письмах, в основном посылавшихся в Соединенные Штаты, матерый и здоровенный эсэсовец прикидывался слабонервным, тепличным и дышащим на ладан созданием, страдающим приступами самых изысканных кошмаров. Бодро расхаживая по апартаментам своего «оффиса», он без запинки диктовал стенографистке страшную повесть о том, что он прикован тяжелой болезнью к постели и даже не в состоянии двинуть пальцем ноги. Каждое такое письмо заканчивалось изящным указанием, куда следует направлять деньги в случае, если сердце «клиента» действительно дрогнет, а рука потянется к кошельку.

Необычайная «фирма» этого мошенника, спекулирующего на красочных описаниях своих выдуманных страданий, действовала весьма энергично. Достаточно сказать, что при ней существовало бюро переводов, в котором письма с сохранением всех красот подлинника переводились на 65 языков. В числе клиентов, подвергшихся атаке, мы видим не только бизнесменов, но и ученых, лиц свободных профессий, епископов и, наконец, пять индийских магараджей. Мошенник в эсэсовском мундире протягивал свою лапу даже к сокровищам Голконды...

Весьма показательным во всей этой истории является то, как реагировала американская печать на столь необыкновенную сенсацию: в ее сообщениях, разумеется, не было ни тени осуждения или негодования; зато в них оказалось налицо сколько угодно восхищения и даже зависти: ведь угораздило же, чорт возьми, такого «гения» родиться не в Америке! Этакая досада!

Но вот всемогущее провидение сжалилось над буржуазной печатью США, вняло ее глубоким вздохам и ниспослало американскому обществу своего собственного афериста, отличающегося явными чертами неповторимой оригинальности. Ему тоже двадцать три года, и он тоже занимается спекуляцией на людских «недугах», «страданиях» и кошмарах, с благодарностью принимая вознаграждение в виде литературного гонорара. Мы говорим об одном из наиболее «модных» в настоящее время в США писателей, уже провозглашенном «надеждой американской литературы»—некоем Трумэне Капоте.

Пока что Капот осчастливил своих восторженных читателей и почитателей сборником рассказов и романом «Другие голоса, другие комнаты». Этот роман, сплошь населенный дегенератами и пропитанный насквозь тлетворным «ароматом» самого подлинного вырождения, и вызвал у американской буржуазной критики бурный приступ самых неистовых восторгов. Да и как можно, в самом деле, не восторгаться книгой, в которой тремя главными действующими лицами являются: беспомощный паралитик-сумасшедший, его жена—кретинка и дядя, упоенно характеризуемый критикой как «дегенеративный эстет». В их общество по воле автора, попадает четвертое действующее лицо: тринадцатилетний мальчик, для «поддержания ансамбля» отличающийся склонностью к половым извращениям.

Описание похождений этой семейки и составляет содержание всего романа, о котором один из критиков восторженно заявил, что он выдержан в «реалистической манере, имеющей сильное тяготение к кошмарам и нарочитому щекотанию нервов читателя».

Буржуазная печать, поднявшая на щит это произведение, страдающее всеми болезнями «американского века», наперебой отмечает, что излюбленными чертами его героев являются эгоизм, одиночество, жестокость, переходящая в садизм, и полное отсутствие элементарной человечности. По уверению самого Трумэна Капота, мир — это «пугающее место», и потому для него, как писателя,—«обученные попугаи говорят больше правды, чем кто бы то ни было».

Если, однако, поближе присмотреться к этому хаотическому нагромождению нарочитой бессмыслицы, то можно обнаружить в нем известную, с позволения сказать, идею. Грязную, чудовищно реакционную, но все же политическую идею. Не случайно сам Капот, сообщая о себе, рассказывает, что до прихода в литературу он не только подвизался как танцор и занимался рисованием цветов на стаканах, но и писал речи для третьесортного политического деятеля. Почему же ему, человеку, причастному к политике, не иметь свою идею? Он имеет ее, и заключается она в провозглашении полной безответственности любого из членов человеческого общества за все совершаемые им поступки. Любой человек,—а это означает: и главные военные преступники, и современные поджигатели войны! «Все дозволено»,—провозглашает «анархиствующий» Трумэн Капот и широким литературным жестом приглашает своих современников как можно глубже погрузиться в «пугающий мир» безответственности, эгоизма, жестокости, садистских извращений и полной враждебности человеческому разуму.

Журнал «Нейшн» считает, что в своей проповеди мистер Капот не очень оригинален, ибо такого рода взгляды имеют «широкое хождение в современной литературе». Это не мешает газете «П. М.» признать роман Капота по меньшей мере лишенным «черт посредственности и обыденности». Что касается других газет, то у них при виде такого «явления», как Трумэн Капот, буквально «в зобу дыхание спирает». «Самое потрясающее явление за последние десять лет», «не похожий ни на что талант, дальнейшего расцвета которого мы можем ожидать», «потрясающий дебют», «самый интересный первый роман за много лет» — вот литавры, в которые ударила американская критика при первом же появлении Капота на литературной арене. На этом фоне буйных восхвалений особенно назидательно прозвучал самодовольный и густой «бас» газеты «Вашингтон стар»: «Наредкость уверенный в себе и технически совершенный писатель, который изумительно владеет трудным искусством изображения всевозможных извращений и разложения». Именно в этих словах, произнесенных с полным чувством собственного достоинства, заключен не столько критический отзыв, сколько приговор—притом не одному лишь Трумэну Капоту, но и всему обществу, которое его породило и так им восторгается.

Ибо Трумэн Капот—это некий вариант того самого афериста, о котором мы упомянули вначале. Не лишенный известных способностей, он точно улавливает «веяния времени» и, занимаясь поставкой своего «товара», уверенно спекулирует на «трудном», но высоко котирующемся в современной капиталистической Америке «искусстве изображения всевозможных извращений и разложения». И если для этой цели автору приходится изображать даже свою собственную персону в виде законченного дегенерата, да еще вдобавок «лежащего совершенно без движения», он готов это делать без всяких колебаний. Как говорится, за вкус не ручаемся, но с душком-с, и горячо будет!

И Капот, и прочие «модные» и хорошо оплачиваемые авторы в США пишут свои книги отнюдь не для представителей «60 семейств», или «тысячи бизнесменов», правящих Америкой, хотя их муза и состоит на побегушках у магнатов Уолл-стрита. Эти авторы—и в этом их основное назначение—ведут огонь по так называемому «среднему американцу». Тридцатитысячный тираж бредового романа Трумэна Капота—факт, говорящий о многом.

Известный педагог и профессор чикагского университета Белл подчеркивает все углубляющийся процесс морального и культурного упадка в США: «В стране, которая, подобно нашей, потеряла свои культурные навыки и несется по течению без руля и без ветрил, обладать высоким интеллектом—вещь не только неудобная, но даже опасная. ...Разве обладание высоким интеллектом делает человека богатым? Ничуть. Делает ли оно его у нас популярным? Нисколько». Как много живых примеров и ярких доказательств можно почерпнуть из современной американской действительности для подкрепления этих внешне спокойных, но весьма сильно пропитанных горечью справедливых признаний!

Существующее в США бюро по опросу населения недавно пришло к выводу, что «одна треть американцев в интеллектуальном отношении может быть охарактеризована лишь как тупая и отсталая».

Таковы плоды господства Уолл-стрита с его разветвленным идеологическим аппаратом, об'являющим высокий интеллект—«неходким товаром». Известный английский дирижер Томас Бичэм, человек весьма умеренных политических взглядов, как-то заметил: «Ничто так не изобличает интеллектуальную отсталость американцев, как их отвращение к критике, которой их подвергают». Отвращение к справедливой критике наряду с переоценкой своих сил и политической близорукостью—отличительные черты многих американских дипломатов первого ранга.

Такова социальная панорама упадка политической и культурной жизни страны, ее быта и нравов, упадка, поощряемого и провоцируемого сегодняшними хозяевами США: чем меньше думает человек, тем более он послушен. Вырождение литературы и успех гнилых «знаменитостей» вроде Трумэна Капота—лишь следствие этого процесса всеобщего регресса и одичания. Отвечая полностью требованиям господствующих классов, «творчество» таких писателей, в свою очередь, способствует еще большему усилению процесса распада буржуазного общества в США—«главной стране капитализма».

Но всей этой раззолоченной Америке, «законодателям вкусов и мод», предпочитающим чековую книжку любой книге любого классика, а также идущей за ними, как говорил Герцен, «сплоченной посредственности» — противостоит другая Америка — страна труда и творчества, борьбы и прогресса. О ней говорит в своей книге и доктор Либер. «Нетрудно заметить,—подчеркивает он,—что уровень интеллектуального развития рабочего класса выше уровня развития тех, кто стоит у власти. Лагерь рабочего класса—вот где существует единственная надежда на перемены к лучшему в жизни всей страны».

Американская реакция потому и беснуется так, бросая в наступление всех своих оруженосцев вплоть до Трумэна Капота, что рабочий класс США все больше и все серьезнее осознает себя как надежду всех трудящихся и поборников прогресса и демократии в стране!

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 02673.